

Олимпиада

№ 14 июль 1972

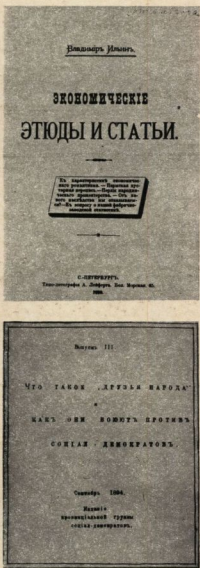
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» в Д. А., МОСКВА



СТРЕЛЬБА
ИЗ ЛУКА —
СПОРТ
ДЛЯ ВСЕХ

Современники о молодом Ильиче и первых его работах



У этих экземпляров разные ленинские работ свои примечательная история. На обложке томика «Экономические этюды и статьи» рукой М. И. Ульяновой сделана пометка «От автора. Имено, его последи Марии Ильиничне за границу по просьбе Владимира Ильича. Он писал по этому поводу младшей сестре: «После долгов ожиданий получила свой сборник. Попрошу Анну послать тебе экземпляры. Нелегальные издания ленинской работы «Что такое «оружья народа» и как они воюют против социал-демократов» отсылались в ряде архивной мира. Один из отписок трезвого выписка был обнаружен в архиве, хранящемся в свое время в Лондоне.

Григорий ХАИТ

Владимир Ильич Ленин. Мы знаем его бесконечно дороже мы знаем, чем начинаем читать и писать. И потом постоянно сверяем свои посылки и устремления с его делами и мыслями. Не оттого ли с живейшим интересом воспринимаем мы всеские подробности жизни и деятельности Ленина? Нелегко даются сегодня историкам поиски новых фактов ленинской биографии.

Сколько раз на комсомольских стройках в Дивногорске, Ак-Довураке, в Новокузнецке задавали мне ребята один и тот же вопрос: что думали, писали о Владимире Ильиче его современники, не через десятилетия, а тогда же, в годы юности и молодости вождя!

Вопрос, казалось бы, простой. Но попорубить ответ. Ведь никогда никто не публиковал отдельно и специально только то, что вышло в 90—99-е годы прошлого века — под пером людей, имевших бою с бок с Владимиром Ильичем или читавших тогда его труды.

Такие свидетельства разбросаны в сборниках, статьях, публикациях, многие до последнего времени лежали нетронутыми в партийных, государственных и личных архивах.

Что же писали современники о молодом Владимире Ульянове в конце прошлого века? Ответить на этот вопрос, который интересует очень многих, можно, конечно, лишь частично. Но буду рад, если собранные факты помогут вам, дорогие читатели, полнее представить жизнь и деятельность Владимира Ильича в те далекие годы — на рубеже XIX и XX веков, жизнь человека, олицетворяющего новое, светлую эпоху в истории человечества.

В 1887 году. Четвертого декабря в полдень студент первого семестра юридического факультета Казанского университета Владимир Ульянов во главе большой эвзовольной группы студентов направился в актовй зал на организованного его нелегальным кружком политическую сходку.

А вскоре, выслушав рассказ брата, Оля Ульянова так описала эти события в своем письме гимназической подруге Саше Шербо:

«Ты, верно, слышала, что здесь были беспорядки в университете. Студенты подали петицию, где, между прочим, упоминается о нас. Мы, конечно, хотя еще они были строго возбужденны и разогорчены, но сдерживались. Но инспектор вывел их из себя — на рубеже XIX и XX веков, эти беспорядки со студентами вообще очень часто происходят. Мы, конечно, всех заложивших в участии в беспорядках арестовали и

выслали из Казани (в числе их и моего брата...)».

В начале 1887 года фамилия «Ульянов» облетела весь мир. Среди казенных за подготовку покушения на царя был Александр Ильич. Какое же мужество потребовалось от брата-бунтовщика, чтобы открыто выступить с политическим протестом в динго, когда при одном упоминании фамилии «Ульянов» содрогались «отцы общества»? То был первый шаг Владимира Ульянова на пути самоотверженной революционной борьбы. И так он был решителен и ярост, что оставил след в переливке людей, близкого знавшего семью Ульяновых. Директор народных училищ Симбирской губернии И. В. Ишерский вдоволь 7 января 1888 года В. И. Фармаковский, своего бывшего сослуживца, друга семьи Ульяновых:

«...Владимир Ульянов, принявший деятельное участие в последних студенческих беспорядках в Казани, исключен из университета с дурной аттестацией. Бедной Марии Александровне — новый титанический удар...».

«...Не прошло и двух лет после смертного приговора Ильича... нелегальное разрушено со страшным шумом, и младшие ее члены сидели тяжело будет повстанье твердо свои ноги...».

Подтверждением сему звучат строки из домашнего почтенателя Казанского учебного округа министру народного просвещения от 30 сентября 1889 года:

«...Сказав, которые имела дочь Ульянова (Анна Ильинична) — Г. Х.), и знаю, что ее исключено из университета брата заставляли являть выезде из университетского города своим родителям...».

Первый арест, высылка, преследования в семнадцать-двадцатидесять лет.

С юных Ильичем, живущим в заолудной Самаре, многие будут искать контактов. Один из них, публицист, первокурсник немецкого социалиста, Г. Ф. Львович, тогда же признает:

«...Ульянов обменялся со мной двумя письмами, а я пришел и сознанию своей юности беспомощности...».

Это написано в начале 90-х годов! А вскоре после того, как повлились на свет такие строки, революционная Россия зачитывалась нелегально изданными выпусками первой крупной ленинской работы «Что такое «оружья народа» и как они воюют против социал-демократов». Владимир Ильич уже возглавлял в ту пору петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Сохранись не опубликовавшееся ранее письмо одного из активных деятелей «Союза», студента юридического факультета Петербургского университета Александра Александровича Сильвина, в котором он назвал работу Ильича памфлетом! Именно такой ее восприняли тогдаш-

ние читатели. Своей острою, полемичностью, глубиной и точностью аргументов она была по народническим публицистам, ставшимся тогда властителями дум молодежи.

Весьма ценно, что в переписке М. А. Сильвина отразились и некоторые результаты провангандистской деятельности созданного и руководимого В. И. Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В письме М. А. Сильвина, написанном в конспиративном порядке со ссылками на «слухи» и посланном весте 16 февраля 1896 года, читаем:

«...Марксисты делают здесь много шума. В литературной среде, университетских сферах, в научных обществах, не говоря уже о студенческих собраниях, только и толку, что о марксистах. Но малы-марксисты занимаются, по-видимому, не только социальными и литературными. Ты, верно, слышала о многочисленных арестах, начавшихся в декабре (имеется в виду декабрь 1895 года). Тогда-то и был арестован Владимир Ильич... (Х.). Сторожился из недели в неделю, до сего арестована масса молодежи, врачей, адвокатов, инженеров, студентов. И не только в Петербурге, но и в местах рабочих. Говорят при этом о необыкновенной дерзости молодых людей. На многих фабриках и заводах стали появляться во множестве знаменитой прокламации, издания «Союза» существующего здесь и имеющего связи с другими городами. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Смельчаны, говорят, посылают их министру финансов, градоначальнику, фабричному инспектору, в редакция газет».

Вот выдержка из другого письма Михаила Александровича:

«...Марксисты издали еще осязательные сборники «Материалы и характеристики нашего хозяйственного развития. Несмотря на его строго научное содержание, цензура... не пропустила».

Ценность письма М. А. Сильвина в том, что этот редкий документ той поры, содержащий сведения о судьбе одной из первых ленинских работ (в сборнике под псевдонимом И. Тулина была напечатана статья Владимира Ильича «Зеленый цвет» — не пропущенный в продажу. Росийская вещь...»).

Подобные данные мы находим и в письме, отправленном в конце декабря 1895 года из Казани в Воронеж местными марксистами:

«...Здесь получен [тайно] сборник статей: Струве, Бельтова (Г. В. Плеханова) — Г. Х.), Петровская, Тунина (истинно, это один из первых псевдонимов Владимира Ильича) — не пропущенный в продажу. Росийская вещь...».

Единодушными высоко оценили статью Владимира Ильича, напечатанную в сборнике. Можно привести

В. И. ЛЕНИН

В. И. ЛЕНИН. САМАРА, 1891 год

свидетельство одного из выдающихся русских марксистов, Н. Е. Федосеева, который писал в сентябре 1896 года из Сольвычегодска:

«Тулина не получил. Говорят, это лучшая статья в сборнике».

Открытая полемичность, глубокая общественная страсть, с которой была написана Владимиром Ильичем эта статья, и послужили основной причиной уничтожения сборника.

Но удивительное его экземпляры со страниц В. И. Ленина продолжили переходить из рук в руки, у них было множество читателей.

Первый открытый политический протест — в пользу силу!

Передо выступлением в легальной печати — с открытым забралом, срывающее маски с противников и временных попутчиков. Таков почерк ленинских дебютов!

И это принесло уважение, признание единомышленников. Оно должно, кстати, задолго до того, как они узнали подлинное имя человека, сумевшего столь необычайно емко, глубоко и метко выразить чаяния, посылки, мысли сотен, тысяч людей во всей России и не только в ней.

О том, что авторитет Владимира Ильича в среде участников русского социал-демократического движения, учащейся молодежи был достаточно высок уже тогда, в начале 90-х годов, свидетельствует письмо одного из студентов студентов.

«Иногда нем-привести строки из него, напоминая, что в конце лета 1893-го с Волги приехал на берега Невы молодой марксист, имя которого знал почти круг его единомышленников и друзей. А всего через полгода с лыжины Владимир Ульянов уже стал властителем дум революционной молодежи, жаждущей читавшей его нелегально изданные работы, слушающей его глубоко научные, блестящие рефераты».

День ото дня росло влияние Владимира Ульянова и других членов «Союза борьбы» в рабочей среде. И чем шире становилась деятельность «Союза», тем пристальнее следили за его руководителями жандармы. В журнале наружного наблюдения за Владимиром Ильичем сыщики сделали в 1895-м такие записки:

«30 сентября он посетил дом № 139 по Невскому проспекту, исполнителю, но населяющим рабочими».

1 октября Владимир Ильич шпиниги пошел в «доме № 8/36 по 7 линии Васильевского острова, где проживают рабочие». 7 ноября сего года Ульянов и Старков зашли вечером в рабочую Александрийского сталелитейного завода Нините Меркулову, которая проживала 40 рублей в полуулице семейства рабочих, задержанных за беспорядки... При этом они поручили ему (Ульянову) передать Меркуловой, не опасаясь за будущее и обещая ей денежное поощрение».

Жандармы, конечно, не оставили

без внимания и первую значительную поездку Владимира Ильича летом 1895 года. Осмотрев его багаж в тамбоне, они констатировали, что ничего «предосудительного не обнаружено. Но нам пришлось-таки потом, в Петербурге, побегать в поисках чужаки с двойным дном, в котором Владимир Ульянов провоз нелегальную литературу. Например, брошюры Вильгельма Либнехта, с которым он встречался тогда же в Германии, и Розы Люксембург».

О поездке Владимира Ильича за границу и о том впечатлении, которое он произвел там, рассказывает запись, сделанная тогда же Р. М. Плехановым:

«...Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди...»

Тогда же Г. В. Плеханов написал письмо Вильгельму Либнехту, в котором были такие строки:

«Рекомендую вам одного из наших лучших русских друзей».

Уже через пять лет в предисловии к одному из зарубежных социал-демократов борется за работу В. Плеханов называет Владимира Ильича «...одним из самых видных деятелей нашей партии».

Но вернемся в конец 1895 года. Тогда в Петербурге появилось написанная Ильичем брошюра «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Она получила широчайший отклик в рабочей среде. Жандармы не преминули это отметить:

«...Ничего появилось новое издание, отпечатанное на пишущей машине. По имеющимся агентурным сведениям, брошюра эта издана тем же кружком «социал-демократов» при ближайшем участии повстанца присяжного поверенного Владимира Ульянова, вернувшегося из-за границы...»

Тучи густались. И вот в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года арестованы Владимир Ильич и многие его боевые соратники. И в тюрьме они продолжали работать.

В тюремной камере Владимир Ильич написал (напечатанную затем в журнале «Новое слово») работу «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные социал-демократы)».

Теперь, спустя семьдесят пять лет после ее публикации, в архиве отсыкался один из первых, ранее неизвестных откликов на эту статью, принадлежавший перу петербургского студента:

«Статья Тулина о Сисмонди снова нашла себе следов: подался вопрос о рынках и в связи с этим и с ирригациями... Первые главы [ста-

ты] Тулина читал прежде, и они оказались интересными. О рынках, кажется, нет больше книг, которые было бы необходимо прочесть».

Подобное писалось о человеке, которого царские тираны загладили сначала в тюрьму, а затем в сибирскую глухомань, в богем и людским забытое село Шушенское.

«Места отдаленные...» Так характеризовали жандармы район ссылки Ильича. А он именно оттуда писал матери:

«Получил я сегодня, дорогая мамочка, книгу писем со всех концов России и Сибири и поздравил усталого себя весь день с праздничной настроением».

Да, к Владимиру Ильичу и в пору его ссылки тянулись душой люди, для которых он всегда был муравьиным царем и наставником. Они высоко ценили не только его ум, знания, но и великодушные человеческие качества.

Вот характерный эпизод.

Сестра П. А. Краснова, одного из единомышленников Владимира Ильича (с которым он познакомился в Красноярске), из Сибири направилась за границу. Она побывала в Швейцарии у Р. М. Плехановой. Последняя, сообщая Георгию Валентиновичу об этом визите, отмечала:

«Приехала из Сибири Краснова. Она видела мужичка (так в семье Плехановых называли Владимира Ильича — Г. Ж.), Райчин и других, привезла посылки и просьбу выслать на них, Мунчин, Райчин и другие посылки борды и моральной и физической».

От мужичка все в восторге, от его ума и сиромости...»

Во второй раз Владимир Ильич приедет в Красноярск осенью 1898 года. И этот факт оставит след в переписке его друзей. Ольга Борисовна Лепешинская сообщила своему супругу 13 сентября 1898 года:

«...Сегодня второй день, как я в Красноярске».

Здесь Ульянов, вчера искал меня незнакомыми и нашей. Какой он милый, приятный!»

Василий Васильевич Старков, один из популярнейших руководителей рабочих «Союза борьбы...», побывав в Шушенском у «Старика» (так друзья называли Владимира Ильича), торопился порадовать своих близких:

«...Лицезер на фоне Шушенской природы Старков (одно это что-нибудь да значить)».

Вот еще строки из письма Василия Васильевича:

«Вчера вечером вернулся от Старова, Старика застал бордым и бордым и жарким привет у них всемо. Какой он славный, отзывчивый человек! Беседуя с ним, узнал как и кем и кем приехал, мы провели в мечтаниях. Уж и помятали же!»

«Надо мечтати!» — миллионы людей знают эти ленинские слова. Он проносил их и тогда, когда друзей-марксистов была горстка и шли они, «поруганные со всех сторон врагами»; и тогда, когда по несомнению лет его труды не могли пробиться к читателям, — созданное им отгравированная редакциями народных журналов и часто ходило по рукам только в рукописном или факсграфоформном виде. Владимир Ульянов повторял эти слова и «во глубине сибирских руд», готовя себе и другим я престоимости блям с саможарением».

К концу прошлого века Владимир Ильич в свои неполные 30 лет был уже не только признанным вождем русских революционных марксистов, но и ученым.

Сибирская ссылка — пора создания таких ленинских работ, которые сразу привлекли внимание общественности.

В октябре 1898 года выходит первый сборник ленинских работ «Экономические этюды и статьи», подписанный псевдонимом «Владимир Ильич». Владимир Ильич отмечал, что основной целью этой книги — критика народничества экономии».

Одна из первых рецензий на этот сборник появилась в красноярской газете «Енисей 9 декабря 1898 года. Ее автор «Бер» (М. А. Сильбин) писал:

«Давно не приходилось нам испытывать такого наслаждения при чтении, как при чтении «Экономических этюдов» Ильича. Ина оригинальностью и свежестю мысли, широтой точки зрения, любовью и истине, страстной жаждой к ее выяснению, презрением и недоверием к самоуму. «Конеч народничества» — вот заглавие, которое мы охотно дали бы книге... Ильича в русской литературе встречаем в начале 90-х годов. Ильяна бесподобную критикой мецанских утопий современно народничества, основанную на тщательном изучении и углубленном прировне данных русской экономической действительности...»

То, что знал Владимир Ильича близко, отдавали должное его уму и знаниям. Временный полупиче революционных марксистов П. Б. Струве, характеризуюя Владимира Ильича, писал А. Н. Потресову в марте 1899 года:

«...У Ильяна ЖИВОЙ И ПРОГРЕССИРУЮЩИЙ УМ И ЕСТЬ ИСТИННАЯ БОРЬБОВОСТЬ МЫШЛЕНИЯ. Он же представляла тему в 1899 году в журнале «КРАК ВЫЖИВАЮЩЕГО СИСМОНДЕЛАТЕЛИ НАШЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ». И в другом журнале («Жизнь», февраль 1900) подчеркнул, что Владимир Ильич замечательный сторонник учения К. Маркса и «ПРЕВОСХОДНЫЙ ЕГО ЗНАТОК».

Находясь в ссылке, Владимир Ильич не только сам был в курсе важ-

ДАТЧИК ЧЕЛОВЕЧНОСТИ



Вот уже 12 лет я работаю практическим врачом. Стаж врачевания небольшой, но и не малый: он дает право делать кое-какие выводы и давать советы тем, кто стоит сейчас перед большой гордой полкой учиться? За 12 лет многое осознано, понято, пережито, и в то же время не слишком большое расстояние отделяет меня от тех, кто сейчас выбирает свой жизненный путь. Поэтому мне хорошо понятны их раздумья, сомнения и горячее желание как можно больше узнать о профессии, которой они хотят посвятить жизнь.

Но для тех, кто хочет избрать трудовой и благородный путь служения человеку, для тех, кто пойдет в медицинский вуз, я и решила написать эту статью. Опыт работы практического врача, дающий возможность многое увидеть и пережить, дает мне право взяться за перо...

Существуют две точки зрения, стоящие на противоположных полюсах. Аналогично одной считают, что врач — это просто специалист и отличается от больного лишь дополнительными знаниями. Строчники второй (а их гораздо больше) придерживаются другого мнения. В их представлении врач — это человек, врачующий душу и тело больного и заслуживающий гораздо большего, чем звание «просто специалиста». Мнение последних мне кажется правильным, и я постараюсь доказать его правомерность.

Любой специалист — это человек, обладающий определенной суммой знаний, которые являются основой, базисом, фундаментом. Но фундамент еще не здание. Нужна «настройка». И, если фундаментом в принципе у всех зданий одинаков, то отличаются специалистами своей «настройкой». Так и в медицине. Тот комплекс сведений, который передается студентам в медицинских вузах, для всех одинаков, значит, врач-специалист тоже приблизительно одинаков. А вот «настройкой»-то они и будут отличаться друг от друга. Если называть всех врачей просто специалистами — значит заниматься уравниловкой, представлять всю медицину как серую, аморфную, белую массу.

А медицина — это творческая сфера человеческой деятельности, где создается индивидуальность. И чем выше она, тем выше качество врачевания.

Если всех врачей условно разделить на три категории — плохие, средние и хорошие, — а медику изобразить в виде электрограммы, то вся она расположится возле электрометрической линии, на уровне которой будут находиться средние врачи (это просто специалисты), ниже — плохие врачи (они должны быть вне медицины), а все, что выше, — это хорошие — настоящие! — врачи.

В любой другой профессии специалистом всех трех категорий имеют «права гражданства». В медицине этого быть не должно. Если плохой врач вообще не имеет права заниматься врачеванием, то «среднеячов» в лучшем случае нежелателен, а вообще-то ветеран!

Врач всегда хоть немного, но обязан быть выше «электрометрической линии». Он-то и должен быть верной для медиков и медичинов. Возможно, мне возражат, что не все врачи могут быть Пироговыми, Боткинскими, Мясниковыми, так же, как не все балерины могут быть Плесанскими, а актрисы — Ристратовыми.

Но, если мы в концерте услышим плохое исполнение нашего любимого музыкального произведения или в роли Жюльетт нас разочарует какая-нибудь балерина, мы уйдем из театра с плохим настроением, огорченные — в худшем случае. Это плохо, конечно, но вполне нормально.

А если на пути больного встает врач-«среднеячов» (я уже не говорю о плохом враче), это может иметь не просто плохие — испорченные последствия.

Вот такому «среднему доктору» надо преградить путь в медицину, а начинать надо с порога — с выбора профессии. Каждый, кто хочет избрать делом своей жизни врачевание, должен понять, что путь в медицину открыт только для тех, кто идет в нее не волею судьбы, но призыванию.

Если в любой другой области валичие знаний и определяет специалиста, то в медицине это — только волею. В медицине главное — умение использовать эти знания. Ведь сфера применения медицинских знаний — это человек, а человек — это всегда личность с присутствием только ей, именно данной личности особенностями характера, темперамента, воспитания. То есть все то, что и должно учитывать настоящего врача. В противном случае личность пациента вываливается из его поля зрения, и, даже обладая недюжинными знаниями, он скатывается на позиции ветеринария.

Известное изречение Гиппократа гласит: «Главное, что требуется от врача, — любовь к людям и знанию».

Во многих высказываниях подчеркивается необходимость врачу, помимо знаний, обладать определенными человеческими достоинствами. Причем последним часто отдается предпочтение. Что же это за «определенные человеческие достоинства»? А вот это как раз и есть та «настройка», которой отличаются врачи друг от друга.

«Настройка» — это «часть», в которой врачевание становится искусством и которая определяет личность врача, его обаяние, его способность влиять на больного.

Заслуга техники в медицине грозит прийти к тому, что врач превратится лишь в посредника между большим и всевозможными аппаратами, то есть вообще отдалится от больного. Технизация, специализация могли породить отчуждение между врачом и больным человеком, что в самом прямом смысле становится искусством врачевания. Это деви имеет в виду возрождение старой традиции искусства врачевания — умения контактировать с больным человеком.

О хороших врачах часто говорят, что они владеют великим искусством умело воплотить и терпеливо выслушивать. А что больше может способствовать установлению контакта между врачом и больным, как не умение внимательно выслушать его?

Личные качества врача — как это можно назвать! Собрать язык их со счетов — значит не понимать самой сути врачевания. Доброта, терпение, отзывчи-

то вы, современный доктор?

Этот вопрос является темой дискуссии, которые периодически возникают на страницах печати.

Закончен ли он? Мне кажется, да. Медицина всегда претерпевала изменения, менялись формы и средства врачевания, менялись большие, в конце концов менялся сам врач, уровень его знаний, но суть врачевания всегда оставалась неизменной.

Что характеризует медицина наших дней? XX век — это век техники. Техника проникает повсюду, не обшла она своими милостями и медицину. Но медаль, как известно, имеет две стороны. Бессорный достижения техники в медицине, но теперь ясно, что наряду с приобретаемыми есть и потери: чрезмерное увлечение техникой грозит вытеснить ЛИЧНОСТЬ врача из медицины.

Кроме того, огромный поток новой информации, обусловленный развитием медицинской науки, привел к дифференцировке врачей, породив новую специализацию.

Конечно, есть и свои достоинства у специализации, но нельзя забывать и того, что врач обязан всегда мыслить на уровне целого организма, иначе он рискует из-за почки или поджелудочной железы не рассмотреть больного человека, то есть, углубившись в какую-то узкую область, за деревьями не увидеть леса.

И сейчас все очевиднее становится тот факт, что медицине надо держать курс не на узкую специализацию, а на широкую интегриацию.

Этот эти два аспекта — технизация медицины и узкая специализация — характерные черты современной медицины.

Естественно, что, преобудая медицину, время накладывает отпечаток и на облик врача.



ность, умение не только «выслушать», но и «выслушать» больного, теплое, душевное слово, вызывающие чувства симпатии и расположении больного, порой могут сделать больше, чем энциклопедические знания черствого, бездушного имитатора врачебной деятельности.

Прекрасно помню первую институтскую лекцию по анатомии, которую профессор В. Н. Терновский — блестящий лектор и педагог — закончил так: «Знаюте, друзья мои: голова юности — это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь!»

Несколько слов хочу сказать о взаимоотношениях врача и больного. Выдающийся клиницист Е. М. Тареев заявил однажды:

«Нижакого разграничения. Оно вредно и врачу и больному. Наука, прошедшая науку междисциплинарная, должна быть, условно говоря, облачена в некую мантию, должна быть отдалена от больного».

Всегда между врачом и больным должна быть дистанция. Она определяется авторитетом врача — чем выше авторитет, тем длиннее дистанция. Ни в коем случае нельзя уравнивать врача и больного: врач всегда должен стоять выше — это в интересах самого больного. И всегда должен помнить, что, кто бы он ни лечил, успех лечения будет зависеть от того, как врач поставит себя перед больным, какой у него будет авторитет.

«Быть врачом значит из двух быть сильнее» — это аксиома.

Даже когда врач забывает, он уже сдает свои позиции. Саником мала дистанция в самом себе между врачом и больным человеком, и, последняя идет к другому врачу. Такова психология врачевания. Дистанция необходима.

Нередко можно слышать, как врачей называют «кудесниками». Я думаю, что удаляется такое звание лишь тот, кто совершает «чуждеса врачевания». Конечно, нельзя утверждать, что врач всегда и при всех обстоятельствах может все. Но бесспорно и то, что если больного будет лечить специалист, который, кроме специальных знаний, ничем не владеет, результат будет один. А если лечит его врач, который, к каждому больному отдаст частичку своей души, — результат будет другой.

Разве мало мы знаем примеров того, как самоотверженной зной и влюбленности в свою профессию творили чудеса, поднимая на ноги безнадежных больных?

Разве малоизвестны случаи, когда во время войны привозили в госпитали тяжелораненых, которым по всем признакам оставалось жить считанные дни, но врачи — настоящие врачи, — не жалея сил и времени, выхаживали их, — это ли не образец работы врачей-кудесников?

У научных работников свидетельством квалификации служат ученые степени, у хирургических врачей — категории. Но есть в практической медицине и негласное, хотя и вполне правомочное звание — кудесник.

Да, кудесник — это знание. Но присуждается оно не по установленным медицинским канонам, не за работу в узкой области в течение ряда лет (в результате которой пишется диссертация), а за теплоту сердца, за широту кругозора, за чуждость, за доброту, за умение проникать во внутренний мир больного и разделять с ним страдание, за любовь к людям, за особое врачебное чутье, за самопожертвование, за способность улаживать даже «сквозь слеза», за бессонные ночи у постели больного, за душу, которую врач отдает больному все — без остатка. То есть за все то, что свойственно врачу не только как специалисту, а как личности.

Кудесник — это знание. Но присуждается оно не учеными мужами на ученых советах, а в тиши больничных палат или поликлинических кабинетов, где вершит суд самый строгий и самый справедливый судья — Большой человек — писатель и рабочий, инженер и художник, учитель и полководец — все те, кому волею судьбы приходится иметь дело с врачом.

Подводя итог сказанному, можно с полным правом сказать, что кудесник — это хороший врач и хороший человек. Вот он-то и должен быть эталоном, примером для тех, кто хочет стать врачом. Сейчас широко дебатруется вопрос о критериях отбора в медицинские институты, но ясно одно, что, кроме общеобразовательных знаний, необходимо наличие истинного призвания, чтобы все желье врача могло пройти под колесом: «Ибо врач врачевания, отдай все!» И в заключение хочу добавить, что если знание — это мозг, ум медицины, то искусство врачевания — это ее сердце. Чему отдать предпочтение?

«Перед великим умом и скромно голову, перед великим сердцем — колени», — писал Геге.

Лично я разделяю эту точку зрения.

ЗНАНИЕ ДАЕТ ХИРУРГА

Борис ЗЕРНОВ,
Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото)

АНКЕТА. Алексей Марийко. Хирург высшей категории. Заведующий хирургическим отделением Центральной районной больницы Приморско-Аттарска, Краснодарского края. Вулканский Кубанского медицинского института...

САМ О СЕБЕ. «Если говорить честно и в практик. Только практик. Операционная, кабинет, снова операционная. И — люди...»

О ЛЕМ. «Врачи — это особая категория людей. И выживает лет за барышкой. Могу твердо сказать: знаю машину. А человек — механика сложный... Сколько же надо работать, чтоб его как следует изучить? Да и не в старже дело. Тут талант надо иметь. Какого? Талант человечности. Есть у Марийко такой талант...»

от, кто сказал эти слова о хирурге Алексее Марийко, никогда не был его пациентом: в хирургическом отделении, как говорится, «в крайнем случае». Но маленький город живет своим и знаками. Здесь есть свои обычаи, свои сенсации, свои знаменитости.

Вот Алексей Марийко... Пожалуй, нет в Приморско-Аттарске человека, который бы не знал его. Или иначе: не знал о нем. Знал он и отразился двадцатилетней юбилей работы в городе: сначала ассистент, потом первые самостоятельные операции, позже — руководство хирургическим отделением и, наконец, почетное звание хирурга высшей категории. И еще слава: тонкой и редкой сплав таланта врача и таланта человека.

День его насыщенный до предела: всевозможные операции [хирургу районной больницы трудно специализироваться, приходится быть универсалом], иной раз по три-четыре часа стоять у операционного стола [он сам говорит: «После такой работы — хоть рубашку вымой...»], прием больных в поликлинике, лекции на заводах или в колхозах — это тоже работа и обязанность врача. Ну и, конечно, учеба.

Хирург учится ежедневно, из года в год, всю жизнь. С каждой новой операцией, с каждым новым больным, с каждым новым обходом [ровно в восемь утра — по палатам, и каждый человек — это новый урок] растет опыт врача.

«Всю свою жизнь хирург должен стремиться к идеалу», — говорит Ма-



ДО ОПЕРАЦИИ ПЯТЬ МИНУТ



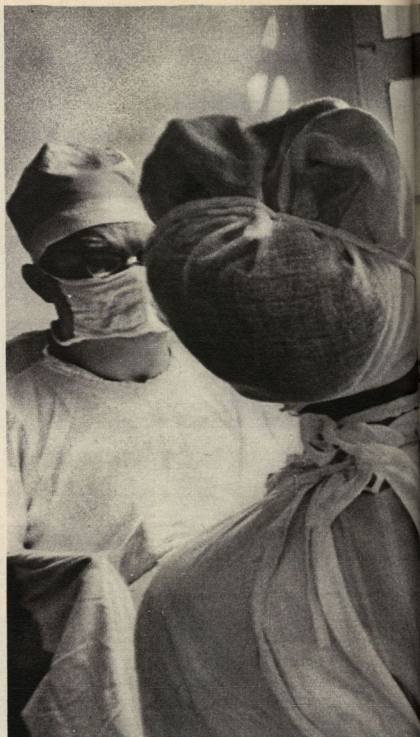
рийко.— Я бы хотел походить на Вишневого: хоть немного, хоть чем-то...

А молодые хирурги, ученики Алексея Марийко [несмотря на невеликие свои годы, он уже имеет учеников], хотят походить на него. И перенимают у него и его решительность, и его артистизм [«Посмотреть, как он работает,— заглядишься...»], и его дотошность [«Он каждую историю болезни чуть не наизусть знает...»], и его нетерпимость и небрежность в деле, и ошмивам — своим и чужим, и его мягкость в общении с людьми... Пожалуй, список этот конца не имеет.

И тогда понятие «учеба» для врача становится вдвойне важным: он не только учится сам, он учит других. ...«Избрав врачевание — отдай все. Это главный закон твоей профессии. Отдай время свое, руки свои, свои знания и свое сердце. Отдай свой талант — талант мастера и талант человека.

...И СКАЛЬПЕЛЬ КАЖЕТСЯ НЕВЫНОСИМО ТЯЖЕЛЫМ.

КАЖДАЯ ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ — УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ.





ГЛАВНЫЙ ВРАЧ ДОВОЛЕН: ЧЕ-
ЛОВЕК БУДЕТ ЗДОРОВ.

ОПЕРАЦИЯ ОКОНЧЕНА. ВПЕРЕ-
ДИ НОВАЯ ОПЕРАЦИЯ.

«СПАСИБО, ДОКТОР!»

олимпийку строил на песчаном пустыре. Пустырь он окружен долами, а песок прикрывает асфальтовыми пологими участками. Ничего и не скажешь, что когда-то здесь была гущина. Но Шашкову памятно это место. Здесь он гонял с пацанами трагичный мяч, таскал с постройкой негашеную известь. Известь оглушительно рыла бутылки с водой, есмь, конечно, хорошою заткнуть ледянивой пробкой. Потом он несколько раз бывал в полаганинске, когда из школы приводили на медосмотр. Да еще, став взрослым, заходил однажды к зубному. Вот, пожалуй, и все, что связывало его с поминкиной до этого дня. Шашков на здоровье не жаловался.

Он взглянул на часы. Врачи занимались с ним почти полчаса. Невесело усеживаясь в больничном кабинете. Значит, что-то серьезное. «Немедленно в больницу!» — про себя передразнивал он одного из врачей, ровесникового, в шуршащем, накрахмаленном халате. Ишь, какой прятки! В больницу!.. Да у него вопросов нерешенных по завязке. Через неделю пленум горкома, ждет комиссия из министерств, нужно ехать в область — муарат что-то с очистными сооружениями на Западостро, в четверть отчет пера избирательная, завтра ждет строители — обещал рассказать о работе съезда, а тут немедленно в больницу!

Впрочем, это у него, наверно, чисто профессиональное, у этого врача. Ему неважно, кто ты, выдано тебе больший — ступай в больницу. От этой мысли, простой и понятной, Шашкову сделавшись неуютно. Выходок, есть в жизни что непереносимо, такое, с чем, хочешь не хочешь, надо считаться, но отложившись на потом, как можно отложить, скажем, отпуск или посещение кино.

— В горком, Николай Николаич! — спросил шофер, когда Шашков усеялся в черную «Волгу» в первую десятку заводов, подлежащих посещению, насильно. — Нет, — Шашков поймав недоумительный взгляд шофера, он и сам не знал, почему у него вырвалось это «нет». Просто, наверно, ему надо сейчас любить одному, обдумать все как следует, очень уж все получается нелепо с этой болезнью. — Давай на Гусино. Только не гони. Отвезешь — и в гараж. Я вернусь пешим ходом.

Как хотеть! — обиженным голосом отозвался шофер и тронул машину. Они ехали широким проспектом Чкалова, свернули на улицу Ватушина, приторнозая, переждавая прохожих у стеклянного куба магазина «1000 мелочей». Сквозь стеклянные стены видны были шабры сербизовые посуды, золотистые подбавляющие ложки, поддасы. Далеко мужики вытаскивали из дальной стальной машину. На ступенях возле магазина пожимала женщина, знакомая биелетра из кинотеатра, мать Пеки Квадратова, разглядывая просроченный венчик. Зачем он ей, когда в квартире паркет?

Машина миновала магазин, а Шашкову вдруг почему-то вспомнились их пыловый паркет, магазин. Далеко распространялись на весел посидок. Галочки и комовой сахар, ситец и фотобумага, хлеб и квашеная капуста, хлеб и отрубь, белые очереди и дымка. И если бы только в нем! Обедать в баню, тогда на травмат, дивак за биелетрами в школу, третья смена в школах.

Теперь директор горторга жалуетесь: берут только утренний хлеб. Заложив палаточный бассейн, а в кювет открывать второй. Пустяки траолейбиз. Строить есть один кинотеатр. Тесен стал драмтеатр. В школах учатся в одну смену. И их не хватает.

Все верно. Все так и должно быть. Шутка сказать: вместо пятидесяти домов Новых Выселок в первую десятку заводов, подлежащих посещению, насильно, — четверть мизантропа, а деревни вокруг? Они стали словно близок к горю. По утрам едут из них в электричках, на автобусах, на заводских грузовиках.

Шашков вздохнул и опустил черный цитюк — на повороте к Гусиному ударил в глаза солнце. Меж стволон метко баскуло озеро.

— Станови! — сказала Шашков и вылез из машины. К леснику, куда обычно ездил он, не хотелось. Шофер развернул машину. — Спички есть? Дай, пожалуйста!

Шофер открыл ящик на передней панели, погромыхал коробкой, все еще с обидой спросил: А папирос?

Шашков улыбнулся: явилось не хочется человеку уезжать. — Я же бросил. Завил! Завтра в семь к дому. Будь здоров!

Машина ушла.

Шашков сел грядку, повесил пиджак на ветку, закатал рукава белой сорочки. Было прохладно и важно: только что оттремем майские первене бора. На берегу чернела кострец, промытое снегом и дождями, видимо, осенню тут были турлисты. Ему повезло: возле костреца валялась несколько сухих веток. Он изломал их, подбавлял образцы березы, подвез и, когда костер привалил, опустился на мягкую кору.

Ну что, Колонян, — вслух сказал он, — подведем итоги? Голос прозвучал странно среди безлюдья и тишины. Шашков поморщился, еще не хватало, чтобы кто-то услышал, как беседует с самим собой первый глады озеры. К нему тянулись темные амлы елей, как бы удерживая его в меру распрямившихся безлюдных подросток. Вздохнул Шашков почувствовал торжественно-траурный запах пригнетых солнцем елей.

Он отвел взгляд от костра. Невысокие березы с мальчишкин, в зазубренных листьями зелено ситящихся, словно от радости, увидев себя в поамериканской глады озеры. К ним тянулись темные амлы елей, как бы удерживая его в меру распрямившихся безлюдных подросток. Вздохнул Шашков почувствовал торжественно-траурный запах пригнетых солнцем елей.

Шашков нагнулся к костру и вынул ветку. Давя кончик ветки подпереву сизым пламенем, точно у горящей папиросы. Он опустил горящий жукт в бака, покажало, что не встал у шофера папирос. Теперь, после разговора с врачом, это уже безразлично. И хотя он сразу же после того случая бросил курить, теперь все равно. Разве только чтобы успокоить жену.

— Да-а, — опитъ вслух вырвалось у него, и он кинул ветку в костер. Костер горел неславно и беззвучно, оплавивая лицо метками, толстыми вадочками. Ем заметный ветерок налетел с озера. Откуда-то издала донеслась кукование. Против воли Шашков стал прислушиваться к протажно-начальным, словно скредечным знаменам дымков жужжан. На втором десятке он сбился и растерянно подумал: «Живит, не мнен».

И почти тут же он ощутил до боли неприятное, знакомое с недавних пор мерцающее поржане светлячков. Он прижмурил глаза. Вместо пылуиририри светлячок возникло комоее глаза марю. Черто-белые острые подтеки, дожигая на расплав карбона, стали напозвать откуда-то изнутри, сдавливать эту явную. Сердце заколотилось гулякин, нервною толчками.

— Сейчас, сейчас, — быстро повторил он, пытаясь разжать веки, чувствуя, как слабеют руки и колятись куда-то вбок голова. — Ну, сейчас, сейчас!

— Раз, два, три, четыре, — услышал откуда-то он показавшийся знакомым голос. Теперь еще вздохнуть, губы, губы, губы... Выдох. Ничего. Он узнал свой голос. — Сейчас, Восьмь!

Ему наконец удалось открыть глаза. Как светало. Зеленая дымка на березах. Сорока налетела на верхушке ем. Сорока-белобока... На каком счете он очутился? Восьмь. Ничего! Нюкают считают после девяти. А это была нюкают. Так и запишем: нюк-да-ун...

Через секунду уже болели руки. И кулак валил, не сжмещая, как садует. Таким, пожалуй, не справился бы с Петкой Квадратовым. Впрочем, все почему-то звали его Пека, а Пека злился и лез дарты. Собственно, с этого, кажется, и началась недолгая спортивная карьера Колонян Шашкова.

Шашков почти вилья увидел себя со стороны: тошнй, в черной сатиновой косолапости, укулачелый подросток с длинными руками, стоит перед тренером дядей Самей Печным. Тренер спросил, почему Колонян хочет заниматься боксом. Дважды побитою Пекой дже в голову не пришло скрыть, что он хочет научиться драться, а потом отомстить этому верзиле. Конечно, тренер наудача Колонян из секции. Очень тогда рассердился тренер. Даже не хотел касаться каждой вещи, потому что пропала за Колонян. И только когда Колонян дал честное пионерское под саломом не применять бокс в обычных драках, его взяли в секцию. На первом же занятии тренер сказал, что спорт — это благородство и труд и соперники на ринге не дерутся, а работают.

И Колонян стал работать. Длинными, тонкими руками он нещадно молотил доску, пытаясь сделать фигуру, встандарт, тогдаша чигану. Постоянно в кармане у него был тугой теннисный мяч, он мля его, тренируя пальцы. Он ставил кусок веревки и на переменах в школе скакала, вызывая насмешки пацанов. До заморожков обивался водой и чуть было не скатился восполнение легких. Он уговаривал мать не колоть сразу все дрова, пообщив ей, что стает комать и вылетит каждая вещь, потому что это самое полезное упражнение. К весне Колонян заработал третий юношеский разряд. Все на пососке знали, что Колонян пошлат на первенство области.

Пека поймал его возле пятого магазина:

— Становишься ты боксер? Колонян вовсе не улавлял такое предложение, он научился понимать дарты в весе. А потому, мог попереть из секции. Поэтому он молча прощился мимо. Пека схватил его и ухмыльнулся:

— Я на твои разряды!... Он выругался! — Трусишь, га! — И только тогда он увидел носе магазина змеемался. И тут Колонян не выдержал. Он забил о своем честном слове под саломом, о разнице в весе, о том, что его вытурят из секции. Он видел перед собой ухмылку на запрокинутой морде Пеки, его тыжелый подбородок в неоприятной, еще ни разу не бривой блявковой поре, на ринге такого не увидишь, там подбородки пречут, и Колонян ударил.

Удар прилетел в пустоту, Пека улетелся и сунул кулак в солнечное плечико раскрывшемуся Колонян. За зиму Колонян наслаждался: сбился, не валился! Встань до смей дивать! Поэтому, очунившись, он вскочил. В очереди кто-то бривил.

— Ю, боксер, спорт, пришиби!

— У Колонян саднало гуяд, его подташнивало, кулакчк казался до обидного мальчишкин против рослого Пеки. Есан бы он был в чертничка! Но ничего, подбавлял он себя и привил привычную ступеньку. В очереди засмеялся и засмеялся Пека, смешил подбородком, и Пека чуть удержался на ногах, прощившись мимо него. Егда он устел повернулся, Колонян ударил его коротким, без замаха ударом. В очереди притихли. Пека кинулся слова. Длинные руки Колонян отпустил его, оспавил ударом. Очередь одобрително заорала. Тогда Пека схватил булыжник и замеснулся. В очереди отпал у него камень.

— Ну, это — пришиба Пека.

Больше они не дрались. На третий день войны Пека ушел в армию и не вернулся. И сейчас, когда Шашкову приходится бывать в кинотеатре, он, про-



Рисунок Владимира ФЕКЛЕВА

тяжная билет контролеру — матери Пеки, порывается спросить ее о сыне. Но в толчее такой разговор неуместен, а прийти и поговорить с ней обстоятельно он так и не выбрал время, а теперь вот уже и совсем, наверное, не придется.

И стоит ли беречь ей душу этим разговором?

Секретарь горкома не колеблется. Чем он может ей помочь? Узнавала, переехала в новый дом. Работает. Еще год до пенсии. Живет, как многие. Не хуже и не лучше. Наверное, когда голосовала за него на выборах в Верховный Совет, вспомнила его, жила-то через два дома, на три года был моложе ее сына. Нет, сына он ей вернуть не может. Но вот сделать так, чтобы легче жилось и ей и ее соседям, тем тысячам, которых он не знает, но которые знают его, он обязан. Для этого и выбран. И он делает. И не худо делает. Добился: будут строить мост через Оку, будет на правом берегу новый город.

— Рассказывай, товарищ! — сказал он ввдур серато и стал раскатывать рукава сорочки. — Один ты, что ай, это сделаа? Или, думашь, люди идут мимо трибуны, на которой ты стоишь, потому что ты важнее или главнее их? Ничего подобного. Они понимают, что в любом деле должен быть вожак: директор на заводе, бригадир в артели, командир в бою. Да, ты первый, но первый из тех, про кто говорят: кто-то должен выпрямиться в рост, чтобы начиналось наступление.

Ты же они доверили быть этим первым. Это много, по это не все. Все могут только все. Ты без них — одиночка. И не забывай об этом.

Чтобы ты мог закончить школу, ушел на войну Пека Квадратов. Пока ты учился в институте, всеишком тебе люди строили дома, варили сталь, ткали ситень, растаял хлеб. Они верили, когда ты придешь на завод, тоже сделаешь все, чтобы им жилось лучше.

Ну что ж, подумаешь Шанкову, пожалуй, ему не стыдно взглянуть людям в глаза, он был хорошим инженером, лауреатом, начальником ведущего производства крупного номерного завода. В двадцать восемь лет такого достигает

не всякий. А может, ему просто повезло, как злословили в ту пору некоторые на заводе! Повезло! Он считает по-другому.

Ему даже не нужно напрягаться, так ясно стоит перед глазами та первая послевоенная весна, когда все это началось...

В заводской библиотеке ему дали оттиск мемориального доклада англичанина Слейда, открывшего гексохлоран. Сквозь суховатые строчки и сдержанность чужого языка явственно пробивалась гордость докладчика. Слейда считал, что открытый им ядохимикат сравним по значению лишь с атомной бомбой, исследованной осенью Хирсману и Нагасаки.

Первый послевоенный год... Завишнейшей Европе грозила эпидемия. Тучи саранчи вздымались в небо Африки и направлялись к границам среднеазиатских республик. Вошь несла тиф, саранча — голод. Победить их мог только гексохлоран.

Вместе с другими химиками инженера Шанкова — он тогда работал в центральной заводской лаборатории — вызвали в Москву. Из министерства они поехали в ЦК партии. Разговор был предельно откровенный и неожиданно жесткий. Вещи назывались своими именами: или будет создан отечественный гексохлоран — защита от вшей и саранчи, либо могут погибнуть тысячи людей. Впрочем, выбора не было. Ведь никто же не предполагал, что Шанков или другие станут отказываться. В ту же ночь они уехали из Москвы.

Сейчас появились другие средства борьбы с насекомыми. Гексохлоран излишне токсичен. Да и насекомые привыкли к нему. Теперь можно прекратить его выпуск, а вехи отлить под другое производство. Так и будет! Но стоит ли объявлять гексохлоран спячкой? Да, лучше обходиться без него. Но тогда, тогда! Разве он забька, как следяки за их первой установкой, которая давала тридцать килограммов порошка в час? Его распроедланы по народам главка. Распределая ценнейший яд, чтобы тысячи людей не умирали от голода и от тифа.

«Целительный яд» — так называлась одна из статей в центральной газете,

а которой рассказывалось о гекохлоране. Впрочем, тут нет никакого парадокса. Дилемтика, единство противоположностей. Единственная тройка в дипломе у Шашкова по философии. Трудно давался будущему секретарю горкома. Но как говорит из песни слова не выкинешь. Что было, то было. Шашков улыбнулся: вот бы, наверное, поразился Савченко — секретарь горкома по идеологии, узнав об этой тройке первого секретаря.

Диалектика учила жить. Вернее, Шашков учился сам, учился владеть, владел, не ожидая никаких зачетов и оценок. Это было так же естественно, как естественно дыхание у здорового и сильного человека. Он всякий раз говорил на производственных десятидневках, это было уже в особом проекте горкома: идешь на работу, возьми с собой лопату!

Наверное, этим же он и понравился академик-атомщику, с которым встретился на совещании у одного из членов коллегии Госплана. Говорили, у академика тайная кличка: «Борода». Об этом говорит, конечно, не предполагая, так же как и о том, чем занимался обладатель длинной, шелковистой бороды. Шашкова полагали, скажем, что академик занимается использованием атомной энергии в различных целях.

Шашков бесовство плыва глаза на академика, докладывавшего о ходе работы. Конечно, Шашков сразу догадался, о чем идет речь, хотя академик называл свое дитящее прозрачным и невниман словом — изидане. Едва окончился доклад академика, Шашков спросил:

— Когда вы думаете закончить работу?
Академик недоуменно и неодобрительно посмотрел на Шашкова и, переводя взгляд на члена коллегии, сказал:

— Почему, задавать такие вопросы вы не имеете права.
Член коллегии нетерпеливо и коротко что-то сказал Шашкову, но Шашкова доселось лишь название продукта, над которым он работал. Академик помолчал, однократно так и не назвал.

— Поверьте, — сказала Шашков, чтобы сладить собственную нахрапистость, — это не просто вопрос абсолютствующего. То, над чем мы работаем, тесно связано с нашим изиданем. Скажем, так сказать, диалектически, как яд и противоядие.

— Николай Николаевич, — прервал Шашкова член коллегии, — пожалуйста, без полматрицы. Покороче, самую суть. — И он оглянулся на академика. — Нет, отключите академика с явным раздражением смотрел на Шашкова, — мне лично такая постановка проблемы кажется абсолютной.

Член коллегии пожал плечами, что могло означать как разрешение, так и недоумение. Шашков почувствовал себя довольно неважно: действительно, чего, спрашивается, поведал на философской Поле он размышлял, стоит ли отнимать время у академика и члена коллегии рассказом о том, что им, кажется, удалось синтезировать исходные материалы для получения препарата против скоротечной чухотки — одного из последних атомных взрывов, академика срочно вызвали.

Посидевши, он сказал Шашкову:

— У нас получится. Вы не робкого десятка человек. В жизни это очень важное качество. Да встречай!

Они больше не встречались. Но Шашков часто вспоминал академика. Академик умер неожиданно, во время прогулки по саду с приехавшим коллегой.

Шашков туженом вдохнул. Он помнил тот день, когда хоронили академика. Это было почти сразу после конференции, когда его звали в горком партии. Тогда-то и попал ему в руки стих, где были эти строчки: кто-то должен выпрыгнуть в рост, чтобы началось наступление. Впрочем, порой это очень важно сделать и не только на виду у всех, а так, как сделала академик.

Шашков вдохнул и встал. Становилось прохладно. Он снял с ветки пиджак и накинул его на плечи. Галстук сузил в карман. Закатное солнце, запутавшись в ветках, мерцало пригнущенным бриллиантом. Вода в озере сделалась розово-соловьи по ней растекался кровью. Он посмотрел на солнце, и оно показало ему похожим на пламя в смотровом окне, которое он видел незадолго до аварии на новом производстве...

Был день пуски, приехали ученые, прибыли из министерства, из обкома. Всем хотелось взглянуть на это пламя, будущее за толстой обшивкой, производное системы перископов и поэтому безвредное, а только непривычно струистое, ярко-багряное.

А потом, дня через три, когда съехавшие гости, под вечер Шашкова позвала директор и сказала, что, вероятно, следует ждать аварии. Какие-то параметры он не стал досматривать, предупредительное об этом.

Шашков примчался на завод, обогнав красные, словно уже освещенные заревом пожарные машины, завывавшие страшными металлическими гомолами. По дороге он усматривал приглушенный расстоянием хлопок взрыва.

Разрушения оказались меньше, чем он ожидал. Молодой сменный инженер успел перебраться задвину на трубопроводе, вытолкнув перед этим всех из цеха.

— Где он? — спросил Шашков у директора.
Тот кинула на цех. Шашков шагнул к двери, повисшей на одной петле.

— Николай Николаевич! — предостерегающе крикнул директор. — Нельзя! Респиратор хотя бы выньте!

Шашков молча шагнул в цех. Он вынес инженера на руках. Подоспели рабочие с носилками, но он, не выпуская инженера, отнес его к своей машине, прыгнув на врача, который крутился возле него:

— Кто за ситуется? Живо в машину! — и в больницу!

— Никто не тужил его в этот цех. Наверное, можно было и подождал, пока принесут защитный костюм. Но стоять и знать, что в эти минуты человек нуждается в помощи? Кто-то должен выпрыгнуть в рост... Даже если знаешь, что за это смертельная доля радиации.

Шашков разворочил костер, подождал, пока догорит последний уголек. Уже семь. Жена, наверное, звонила в обком, когда вылетел.

На Запде, говорит, принято писать завещание. А что он может завещать? Жаль, нет детей. Так хотелось пацаненка. Говорит, тут не зря жизнь прожита, что-то счастья было, а жаль, досада, дерево... Говорит, жаль, что так говорит.

Он вышел на бетонку. Вдали видны были высокие дома города, а слева от них кортаны заводов. К ним тянулись тяжело провисшие, непромокующие провода. Он приселся да ними взглядами. Наверное, сверху все это похоже на огромный ринг, обнесенный канатами. И где-то на этом ринге он, крошечный слабый, если смотреть сверху, человек.

Но таких, как он, много. И ничего не случится, если он упадет, если жизнь собьет его. Главное, сейчас найти в себе силы, чтобы подняться.

Шаг, второй, еще один... Туда, к людям!

Северное лето

...наше северное лето —
Карикатура южных лет,
А. С. Пушкин

Все степени зяблостя-радства
И все ступени радости-бед.

Онего! В этом слове старина,
Что плавно переходит в ювонит,
Взмахивая и небу глубина
И облака, идущие ко дну.

С вокзала увидал Онегу,
Косиный парусник на ней,
И сразу затолкось снегу
И без легкого снаея.

Стонт мильская погода,
А мне мерещится зима.
Из-за Онеговского завода
Встает холмоидная дога.

Дымки березовою рошей
Растут над крышам ядлам.
Открытый, собранный и проще
Навряд ли отыскать земли.

Послевоенной, обгорелой,
Голодной виденась тогда.
Они ушли за дымкой белой,
Те невозрачные года.

Земля открылась — будто вновь
Или сорной весной вперной.
Насильные срывают бросы
Под ним взгляд ее новоя.

Не терпящая суетловья,
Она молчаливая говорит,
И опытом своим, и кровью,
Впечатанной в ее кварцы.

Онего! В этом слове — снева,
Все колеры и неба и воды.

Владимир КОСТРОВ



Туманный север,
Юг, восток и запад
двадцатый век
во мне узлом связал.
Я обнял
плантации чайных садов,
в трепет рыв тевных озах,
в слуха
океанский шум прибой,
как горели
какое трещали снабы,
как горели,
такое зидая небо голубое,
что больше раздирало мне зрачки.
Я ногн сбил
на горных тропках узкох,
душил меня
сибирский единый гнус,
и над углям
лиственниц тунигских
шашлык медвежий
пробовал на вкус.
В трюде тужило,
наравне с отцами,
и поднимал заводи и поля.
Дождю,
пучкам,

горным зубидым
соединил небо и земля.
Ну, а во мне
все, чем жилось,
что смилось,
что попиал и прочувствовал спония
в какой-то час
в душе соединилось
в единое понятие —
страня!
Как будто загорелась голова.
Как будто предо мной
разверзлась бездна.
И сразу оказались бесполезны
все самые высокие слова.
Там,
в вышине
ее, клубилась слава.
Там,
в глубине,
спинались до конца
могучая и грозная Держава
и крошачья рыба и крыльцо.
И в облаке колеблелись,
зависло,
как бы в борьбе
между добром и злом,
то появлялась детская улыбка,
то молния трагической излом.

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Прописные истины

В жизни, в песне,
в любви
Выбирай смело
И дороги свои
И свое дело.
Тот, кому повезло,
Шел путем победным.
Первым быть тяжело,
Тяжелой — последним.

Но в любви и в пути
Честь сильнее,
чем шаг.
Будь всегда впереди,
Не сбавляя шага!

Обезглав с ходу злость,
Станешь выше ростом,
Так живи, чтоб друзьям
Всем легко и просто.

Доверяй чудесам,
Отвергай жалость.
Так шагай, чтоб друзьям
Корошо шагало.

Вперед иди,
Выбирай средства,
Только не вперед
Своего сердца!

*

Ты родился для музыки и для любви,
Ты вобрал в ненасытные очи
Ереванские синие ночи твои
И мои черноморские ночи.

Ты шагал с непокрытой седой головой,
Ты летел, ты глотал километры
По зеленой земле, по земле голубой,
А навстречу лишь звезды и ветры.

Журавли распластались, печально трубя,
И грустит журавель у колодца,
И тоскуют дороги твои без тебя,
И любимая ждет не дожидается.

Как ты там ни крути, от людей не так,
Стали длинними — были короче —
Ереванские синие ночи твои
И мои черноморские ночи.

Мне как-то не верится

Мне как-то не верится
В то, что земля
Под звездами вертится,
Ветром звеня.

Мне как-то не верится,
Что под луной
Отец мой не встретится
Больше со мной.

Глаза твои светятся,
Вместе мы вновь,
А мне все не верится
В эту любовь.

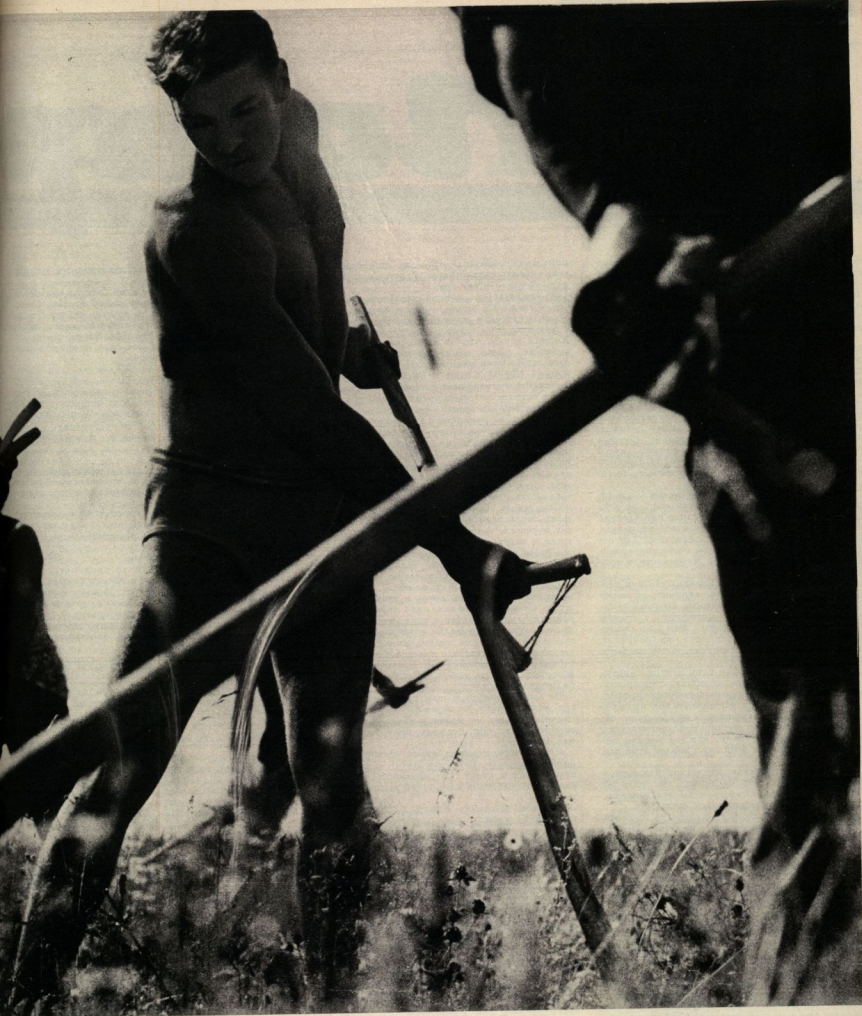
Былое доверие
Не по плечу,
За это неверие
Жизнью плачу.



**МИР
МОЛОДОСТИ**



В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ



ПОМОГАЕМ СЕЛУ
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Недавно, проходя по главному пролету трактороборочного цеха, услышал разговор двух парней.

— Тебе сколько лет?

— Семнадцать исполнилось.

«Саложкин! Место в декабре на третий дескток пойдет!»

На третий дескток... Стало быт, родился ты, старик, в тот самый месяц и в тот самый год, когда я впервые пришел в цех и учеником встал к разметочной плите. В общем, как поется в одной известной песне: «Ах, как годы летят!».

И, а если бы шуток — что оно принесло мне, прожитое двадцатилетие? Хотя бы, как принято выражаться, в производственном плане? Знание ремесла? Пожалуй... Но, по здравому размышлению, все же не это самое главное. Гораздо важнее постижение некоторых истин — путь далеко не новый, но для меня ценных тем, их как понаименее найдется на собственном опыте.

Брак в работе бывает разным.

Есть брак от незнания или неумения — он доведен и в конце концов прострелен. И есть брак иного сорта: когда нежелание как следует делать свое дело протискивается в работе на чье-то несидельность, на чей-то недосмотр. Тут не уважение к работе в конечном счете оборачивается неуважением к себе. Это, в сущности, и есть самая настоящая культура.

Знавал я одного мастера. Издавая его рук всегда можно было безошибочно отличить от точно таких же деталей, изготовленных другими токарями. Человек не первой молодости, у станка простоял бы малого четверть века, но маломальким ответственным ему поручали только в самом крайнем случае, когда не было другого выхода.

Сколько раз я наблюдал одну и ту же картину: стояло стою товарищу заговорить с товарищем — как-то сугубо производственных, профессиональных делах — и он оказывался в странном положении. Его слушали и не слышали, отгораживались глухой стеной несидельного пререкания. Своими руками, каждой корышкой выточивший деталью он водилась вокруг себя эту стену.

В рабочем коллективе, где твою подлинную ценность определяет не только тем, что ты умеешь делать, но и тем, как ты это делаешь, что может быть страшнее такой стены?

Ощущение подлинной причастности к своей профессии приходит — если, конечно, приходит — к людям по-разному. На эту тему можно было бы, наверное, написать интересное исследование. Мне, например, однажды довелось познакомиться с человеком, который впервые осознавал себя по-настоящему причастным к токарному ремеслу благодаря внезапно возникшему случайному случаю...

...Несколько лет тому назад я был в командировке на Горьковский автозавод. Номер в гостинице достался нам на двоих с токарем из большого сибирского города. Не берусь сказать точно, зачем он приехал в Горький, помню только, что вечерами мой сосед все раскладывал на столе чертежи каких-то приспособлений.

Человек примерно одних со мной лет, высочайшего роста, блондин и довольно стройный, он оказался веселым и общительным собеседником. В один из вечеров я услышал от него историю, которую, чтобы не забыть, тогда же и записал.

Вот она:

«...И в завод я поступил сразу после школы. Не иначе, как из-за роста, меня определили учеником токаря на единственный в цехе заводской любовной станок. Машина была старая, часто выходила из строя, в ее «нутре», как любил выражаться наш технолог, «сучались раз-

личные катаклизмы». Но даже на таком станке мой учитель делал чудеса. Отгнетившиеся детали точил — и как точил!

У старика был чудной характер. Встретились же, бывало, на улице — он пройдет мимо, будто видит тебя в первый раз. На работе если с кем-нибудь и заговорит, то только по делу. Ходили слухи, что во время войны у него пошла вся семья, потому он и стал таким негодным. Но учил меня хорошо — спокойной и терпеливо. Через полгода и управлялся с работой почти без посторонней помощи, а через год и вовсе остался на станке один: старика назначили мастером на нашем же участке.

Товарищ я, признаться, по советам, но без всякой охоты: уж очень мне не нравился станок. Хотел перейти на другой, несколько раз обращался к начальнику цеха — тот отвечал одно и то же: «По времени малость, сейчас не могу». Я, конечно, злился, однажды даже нахамил, хотя, будь и в ту пору чуть поумнее — мог бы понять, что на мое место просто некого было поставить. Но тогда, по причине ценящих моих лет, и соображение у меня было ценящее, вот и решил: я натурально чего-нибудь, может, тогда и переучусь на другом станке.

Случай вскоре представился.

Я получил аварийное задание: расточить кольцо. Провалился с ним целую смену — и заорал в ужасе. Простая вещь: при замере внутреннего диаметра, когда к размеру, стоящему на конусе штангеля, надо прибавить еще и толщину губок, ошибся в подсчете. Так уж случилось. А вот что сделал с умислом — так это то, что о запорном кольце никому не сказал ни слова. Снял деталь с планшайбы, закатил ее в угол между стеной и инструментальным шкафом, подальше от любопытных глаз, и ушел себе преспокойно домой.

На следующее утро, как положено, явился в цех, переоделся и, не торопясь, шагу к станку. Наверстает идет по пролету начальник цеха. Его лицо подалумало: «Ну, держись, брат Василий, сейчас начнется!».

«Ничего: прошел мимо, поздоровался, и больше ни слова. Гланул я в угол — кольцо как стояло, так и стоит. Вот странн! Такая была аварийная работа, а меня о ней никто и не спрашивал».

Тут мне заготовку подвели. Пока я ее на планшайбу кренил, пока выверал да ходил за чертежом, прошло, наверное, полчаса. Смотрю, начальник цеха возвращается назад. И прямо к моему станку.

— Только что, — говорит, — в ОТК был, там твою работу принимали. Молодец, хорошо сделал, к сроку. Хвалю!

И пошел наверх, в свою контору.

Ничего из понимания! Побоялся на участок ОТК — действительно, на стендаже принятых деталей лежит кольцо. Но мое-то за шкафом, это я точно знаю. Чертовщина какая-то!

Стою, размышляю. Вдруг чувствую: кто-то меня взгляд трогает за плечо. Обернулся: токарь с нашего участка.

— Любуешься? — спрашивает он ехидно.

И отвечаю: «Любуясь».

— Ну, любуйся, любуйся, — говорит он. —

Как-никак, это все-таки работа твоего бывшего учителя. Я вчера выходил во вторую смену, так что видел все. И как мастер из ажурно колечку выкатывал, и как замерил его, и как потом ходил новую заготовку добывать. Кольцо он тоже при мне точил. Вместе добро ушли, в первом часу ночи. Понял?

Как не понять...

К концу дня пришел наш мастер принимать

свою вторую смену. Остановился возле меня и тихо так говорит:

— Сукан ты сын, Василий, вот ты кто! Мало того, что срочную деталь загорел, так еще и спрятаешь ее. Думаешь, я почему за тебя работу сделал? Не хочу краснеть перед людьми, не желал, чтобы про меня не то что сказали, а даже подумали: вот, мол, старик-то наш какого воспитал прохидея.

Разговаривал он со мной один на один. Но я, даю честное слово, готов был со стыда заехать хоть под станок. И не было у меня в ту минуту иного желания, как доказать старика, что не такой уж я, как он выразился, «прохидея», что не напрасно он учил меня ремеслу.

Вот с того дня я, пожалуй, и почувствовал себя токарем.

На столе фрезерного станка закреплено приспособление. Сейчас в него вставят для обработки деталь — она будет позарез, без нее задерживается сборка всего узла.

Мастер ходит вокруг, торопит фрезеровщика. Тот тоже начинает нервничать — а деталь, как назло, не помещается в предназначенном для нее гнезде приспособления.

Мастер вконец расстроился:

— Ну и дела! Надо что-то придумать, иначе мне за эту железу завтра голову снимут!

«И что? — спрашивает фрезеровщик. — Я уже разобрался: приспособление сделано неверно. Может быть, попробуем исправить?»

С лица мастера вдруг начисто исчезают все признаки недавнего волнения, оно теперь невозмутимое спокойствие.

— Это точно, что все дело в приспособлении? — спрашивает он.

— Совершенно точно.

— Тогда уберите станок — и айда по делам. Да ты не беспокойся, сверстурожу тебе все равно заплатать.

— А как же деталь? — недоумевает фрезеровщик.

Никак. Кто собирал приспособление, тот пусть и отвечает. Наше дело сторона.

И мастер направляется к себе в контору с чувством до конца исполненного служебного долга. За свою голову он теперь спокоен, а дальше пусть и отвечает.

...Кто это все-таки, верно сказано: человек стоит ровно столько, сколько он может отдать делу добровольно!

Однажды я провел среди своих товарищей по работе маленькую устную олимпиаду. Был задан — правда, в разной форме — всего один вопрос: какими качествами должен обладать мастер в современном производстве? И во всех случаях получали один и тот же ответ:

...во-первых, мастер совершенно необходим комплекс организаторских и педагогических знаний и, разумеется, умение пользоваться ими сообразно с обстановкой;

во-вторых, мастер может и не уметь сам работать на станках, но он непременно должен хорошо знать, как на них работают.

Обратите внимание: несмотря на то, что профессиональные «состоятельности» мастера признаются совершенно обязательными на первом месте все-таки стоит необходимость организаторских и педагогических знаний. Как сказал однажды в моем присутствии весьма уважаемый в цехе работник: плохой мастер видит прежде всего детали, хороший — людей.

...Вот документ. Привожу его текст полностью, изменения в нем только фамилию:

«Распоряжение по участку.

11 марта с. г. сменивший мастер выдал слеса-

ро тов. Головину А. Г. срочное задание на сборку и отладку узла. Приступая к работе, тов. Головин не проявил должной внимательности при ознакомлении с техническими условиями чертежа, что привело к браку.

За допущенную безответственность и срыв срочного задания списали тов. Головину А. Г. объявить выговор по участку и предупредить, что при повторении подобных случаев к нему будут приняты более строгие меры.

Старший мастер подписал распоряжение. Распоряжение как распоряжение — обычный документ повседневной жизни цеха. И у других, ему подобных, этот документ отличается только одним: в течение долгого времени о его существовании анализ всего дня человека — тот, кто эту бумагу написал, и тот, о ком она была написана.

Парень этот пришел в цех сразу после демобилизации из армии. Устроился учеником, год проработал в бригаде под руководством лучшего на участке слесаря. Был настойчив, смелый, добросовестен. И вот настал день, которого он ждал весь этот год: ему поручили первое по самостоятельному делу. Правда, сборку узла неслишком, но очень срочную — к утру она должна была быть передана на соседний участок.

Молодой слесарь старался изо всех сил. Он задержался в цехе допоздна и не ушел домой до тех пор, пока не привернул последнюю гайку. А на завтра, в самом наглые смены, когда соборный узел проверяли в ОТК, он оказался верным...

Сменный мастер высказал виновнику брака свое решение: замечаний — отдал передельщику сборку другому, более опытного слесарю. А старший мастер, вернувшись от начальника цеха, где ему пришлось выслушать немало неприятных слов из-за срочного задания, сел писать распоряжение по участку. И написал его. И вышел из котурки с твердым намерением вывесить бумагу на положенном месте.

Прикарав са собой дверь, он глянул вдоль проекта и увидел колесо одного из верстаков виновника ЧП. Тот сидел, низко опустив голову, на табуретке у своих тисков.

Старший мастер постоял в задумчивости минуту-другую — и направился прямо к слесарю. — Что? — спросил он.

— Переделываю... — ответил парень. — Другому отдали, чтобы быстрее было.

— И думаю, ты и сам переделаешь... — сказала старший мастер, то ли спрашивая, то ли утверждая.

— Постараюсь... если разрешите.

— Разрешу. Влетело мне, брат, из-за тебя, да уж ладно, пережуй как-нибудь. А эту бумагу, давай, забери ее себе на память.

И положила на верстак только что написанное им распоряжение.

— Вот такая вышла со мной история... — сказала мой собеседник, один из лучших слесарей завода. Впервые сложил пожелавший уже листок бумаги, аккуратно убрал его между страничками записной книжки.

И продолжал:

— Конечно, старший мастер мог не разрешать переделывать сборку — в конце концов работа была срочная, и опытный слесарь исправил бы брак намного быстрее, чем я. Распоряжение по участку? Что ж, он имел полное право вывесить его для всеобщего сведения: смотришь, мол, товарищ, какой у нас браковед объясняет, стыд ему и позор!

Потом я часто размышлял: почему же он поступил именно так? Можно было, правда,

просто спросить у него, но, честно говоря, сделать это сразу я постеснялся, а он вскоре на пенсию ушел. Думаю так: за год присмотревшись ко мне, что я за человек такой, чем дышу, старший мастер понял: в то утро никто не смог бы мне сказать более обидных слов, чем сказал их себе я сам. А этого — два четких слова! — было вполне достаточно.

На щите висит объявление: сегодня состоится проводы на пенсию человека, проработавшего в цехе сорок лет. Служу нравственные слова, преподнесут от профкома подарок — все как положено, как заведено...

Вот только по заслугам ли честь? Сорок лет он простоял у станка — и сорок лет «темнел»: работу себе умел выбирать такую, чтобы чертенок попорче, обидчик на самоходе побольше — ну, и ответственности, конечно, поменьше. Однако и поощрениями не был обижен и новую квартиру получил: трие во всех инстанциях трудовую книжку, а своего добился. Стаж сработал...

Подумал я обо всем этом — и вспомнил: мне слова восточной мудрости: «Юноша, продающий свой труд, достойный старца, торгового своего без бороды».

У Константина Федина прочел однажды крепко запомнившееся выражение: каждый человек успокаивается возле своего родного дела. Сколько раз я убеждаюсь в правдивости этой мысли в прямо-таки беспощадной ее справедливости.

...Как-то, возвращаясь домой, столкнулся у станции метро с давним знакомым. В свое время он работал у нас в цехе, считался — и, должно заметить, — не без оснований — толковым, знающим свое дело токарем. Года три-четыре назад он встал расчет, ушел служить в некую полупроизводственную-полушабачившую контору.

Разговор получился примерно такой:

— Давненько мы с тобой не виделись! Давай, выкладывай, что нового?

— Какие там новости... — ответил он. — Дело наше известное: хочешь жить — умей вертеться.

— Слышь, давай так и вертись!

— А что? Разъезжаю по командировкам, денги платят хорошо.

— Больше, чем в цехе?

— Намного.

И посмотрел на него с удивлением. Э, брат, не ты ли всегда повторял: нам бы побольше грошей да харчи хорошие, а остальное неважно?

И вот, пожалуйста... — от авторитете загоровил!

И самовольно ты, парень, и негугли, и руки у тебя золотые... — что ты не вспоминаешь вовремя еще одну поговорку: пойдешь на шерсть — не вернешься бы стриженным!..

Мне предложили на телевидении подготовиться и провести передачу о профессии разметчика. Я согласился. Попросил только, чтобы операторы сняли пятиминутный фильм и непременно на том заводе, где начинался мой рабочий молодость.

Лента получалась простенькая, немудрящая, но без нее я, пожалуй, не смог бы найти верного тона для рассказа. По счастливой случайности разметчик — главный персонаж фильма — оказался сыном моего первого учителя, Василия Васильевича Григорьевича.

Это был большой завод своего дела, хорошо известный на многих станках Ленинграда. Приспособления, изобретенные им, описаны в «Спра-

вочнике разметчика-машинностроителя». И хотя его «метода» обучения, если изложить ее здесь во всех подробностях, может кое-кому показаться весьма спорной, я обязан ему очень многим.

Однажды, в конце первого года моей самостоятельной работы, я занорю ответственную деталь: потрохался, не удержавшись до конца разобравшись в чертеже.

У плиты ОТК, где лежал залоупучный корпус, уже замаявший крест-накрест красной краской, мастер в цветистых выраженных интонациях свое мнение о браковедлах вообще и о моей персоне в частности. Василий Васильевич, случайно проходя мимо участка ОТК, остановился у плиты и спросил, по какому поводу шум. Мастер указал на меня, потом ткнул пальцем в заворотный корпус — жесты его были настолько выразительны, что комментарии не требовали.

Григорьев повернулся ко мне и сказал: — Все ясно. Разметчик сам детали не попер — он только указывал, где запороть. А брак делают станочники.

С тем и ушел. А я остался стоять возле плиты, и лицо у меня горело, как от унесенной за трупьями...

Дело — все в том, что мою работу, если это специально не оговорено в карте технологического процесса, технический контроль не проверяет — он только констатирует конечный ее результат. Станочник тоже далеко не всегда может проконтролировать правильность разметки, даже если и захочет это сделать. Как определить, например, верно ли отчерчен заданный радиус, если его центр лежит далеко вне плоскости детали? Или установить точность радиусного угла, если базовая поверхность скрыта от глаза станочника? Нет смысла продолжать список всех этих «если» — настало оно велико.

Моя товарищам волей-неволей приходится надеяться на то, что и правильно прочел чертеж и точно перенес все его размеры на деталь. ...О человеке, утратившем доверие, англичане говорят: «Он потерял кредит». Разметчику, «потерявшему кредит», надо серьезно подумать о перемещении профессии.

На одном из листков блокнота я нашел такую запись: «И. С. Руки и глаза». Дело озабочивало, а что она могла значить. Наконец, вспомнил.

И. С. С. — это Иван Сергеевич Савельников, мастер ремонтно-механического цеха, где я в свое время работал. За словами «руки и глаза» стоит любопытный случай, о нем, пожалуй, стоит рассказать.

Было нас у Ивана Сергеевича человек пятнадцать — три бригады слесарей и я, разметчик. Знал он каждого, как облупленного: и какой у тебя характер, и что тебе можно поручить, и чего поручать нельзя.

Сам Савельнич был опытный слесарь, непревзойденный знаток так называемого нестандартного оборудования на всем заводе. Иван Сергеевич, случалось, находил выход из таких положений, когда и инженер-вставал в тупик. Нам он всегда готов был помочь, причём авантюра у тисков, с напильником или шабером в руках, а то и с циркулем у разметочной плиты.

Как-то дает Иван Сергеевич задание одному из слесарей, называет его. Тот заартачился:

— Не могу, не удержусь. Тут на одну только первую операцию надо затратить не меньше часа, а вы хотите, чтобы я за это время всю работу сделал.

— Ну, если вы так считаете... — отвечает слесарь, — встанте сами к тискам и попробуйте.

Лидо Иван Сергеевича темнеет, но он по-прежнему спокоен:

— Получил задание — выполняй.
Поворачивается и уходит к соседнему верстаку.

С работы мы идем с ним вместе.
— Иван Сергеевич, — говорю я, — вы не обидитесь, если я задам вам один вопрос?

— Какая же тут может быть обида? Задавай, я всегда люблю.

— Сегодня, когда зашел спор насчет задания, почему вы сами не встали к тискам? Вы ведь всегда нам показываете, как делать, если что-то не получается.

— Покаа покаа роань, — отвечает Сапельников. — Одно дело — помочь, другое — ежели человеку шлея под хвост попадаа. Разные вещи, верно?

Ты вот рассуди-ка сам. Мне скоро шестидесят, той споровки, что была когда-то, теперь уже нет. Нынче я лучше глазами, чем руками, работаю. Что же делать? А далее вот что: встал бы я стортя к тискам и, вполне возможный, не уложился бы в самый же мной назначенный срок. Что бы из всего этого вышло, ну-ка, подумай! Вот то-то и оно! А твоего приятеля, о котором ты тут завел речь, я знаю очень хорошо. И срок ему дал вполне реальный, в чем ты, между прочим, сам убедился в конце смены. Верно?

Дело наше мастерское — трудное дело... Нахрапом его не возьмешь.

Жаль, что в наших профессионально-технических училищах не преподают историю ремесел, не знакомят широко и подробно с делами лучших представителей рабочих профессий. Я понимаю, ввести такую дисциплину не просто, но игра стоит свеч. Если взяться с умом и с толком, можно было бы разработать интересный и поучительный курс лекций.

Преподаватель этого предмета надо искать, конечно же, прежде всего и главным образом на заводах, среди рабочих, технологов, конструкторов. Об одном из таких людей, встреченных мною, я до сих пор вспоминаю с благодарностью.

Вернувшись домой после службы в армии, я получил документы штатского человека и пошел устраиваться на работу. И, поскольку в выборе профессии не было у меня абсолютно никакой ясности, я решил, не мудруясь лукаво, пойти по самому простому пути: определиться на тот завод, что ближе к дому. А дальше вид-но будет.

В отделе кадров меня встретили так, как встречают любого и каждого: да, ученики нужны, вот разовый пропуск, вот направление в цех — ищай, договаривайся.

Легко сказать — договаривайся! Договорился недолго — ежели знаешь, о чем. Когда на новое место приходит человек бывалый, он в первую очередь интересуется тем, что так или иначе не устраивало его на прежнем месте работы. А как быть, если этого прежнего места вовсе не существовало? Хорошо детаю, у них тут полная ясность: «Я б в работе пошел, пусть меня научат». Взрослому же важно еще выслышать: чему научат, кто будет учить и как?

В общем, оно оказалось совсем непростым, это скрупулезное словечко «трудостроительство»...

Придя в цех, я не застал в конторе начальника и, чтобы споротать время, решил побродить по производству. Тут я свел меня случай с Владимиром Альфредовичем Васемем. Старший контрольный мастер, сам в прошлом разметчик, он за каких-нибудь полчаса сумел рассказать мне о разметке и разметчиках такое, чего не вычиташшь ни в одном учебном пособии. До сих пор помню тон его рассказа — спокойный, весомый и какой-то очень доверительный, словом мой собеседник уже видел во мне единомышленника.

Вместе с Владимиром Альфредовичем мы ходили по цеху. Я сморгал, как разметчат детали Василий Васильевич Григорьев — мой будущий учитель. Потом меня провели к станкам, где точно такие же детали строгались и фрезеровались, растачивались и сверлились, — тут я увидел, для чего нужна разметка.

День оказался до края наполненным впечатлениями, в них надо было еще разобраться. На меня не нашло никакого озарения, я не замер на месте, охваченный одной мыслью: кровь из носа, а стану разметчиком! Чего не было, того не было. Но появилось ощущение живого интереса к тому, что и как делается вокруг. Ощущение достаточно сильное, чтобы я решил: разметка — штука стоящая.

Как почти двадцать лет тому назад я и пришел к своей профессии.

Владимир ЗАХАРОВ,
Виктор САКН [фото]

П арелки изоляторов, собранные в причудливые трехгранные пирамиды, параллельные трубы, соединяющие массивные круглые колонны, и огромные, отливающие медью шпиря ретно очерчены на фоне белого мармела. В высоковольтном зале Всесоюзного электротехнического института имени В. И. Ленина на площади в две с половиной тысячи квадратных метров смонтировано уникальное электротехническое оборудование.

В центре зала взметнулся весь мощиный импульсный генератор: 7 миллионов 200 тысяч вольт номинального напряжения. Некоторые подобные уроченной молнии можно получить на этой установке. Недалеке другой уникум — передний край каскадный генератор постоянного тока. Его напряжение — 1 миллион 250 тысяч вольт. Это напряжение измеряется с помощью шаровых разрядников двух- и трехметрового диаметра.

Все эти установки нужны ученым для испытания изоляционных конструкций на сверхвысокие напряжения, в том числе гирлянд фарфоровых изоляторов, которые легко и красиво несут высоковольтные пробои на ажурных опорах линий электропередачи.

Чтобы энергия, вырабатываемая десятиками ГЭС, ГРЭС и АЭС бесперебойно поступала во все уголки страны, чтобы никакие атмосферные явления не смогли вывести из строя высоковольтные артерии, в институте испытывают новые конструкции изоляторов и аппаратов. Ученые должны твердо знать, как поведет себя то или иное оборудование, которое завтра будет устанавливаться на ЛЭП.

Эксперимент в высоковольтном зале, как его называют сотрудники, проходит в безлюдье. Прейде всего закрываются и заблокируются двери, будет выключен ток и сплешнет табло: «Высокое напряжение! Из операторской кабин, которая расположена на одной из стен зала, хорошо видны и шаровые разрядники и гирлянды изоляторов. Четкие слова рабочей команды — и на экране осциллографа взметнулись яркие всплески.

— Изоляторы держат нагрузку, — комментирует светящиеся кривые оператор.

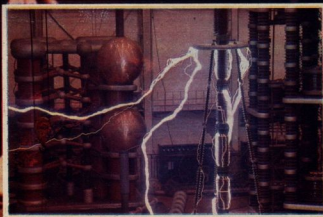
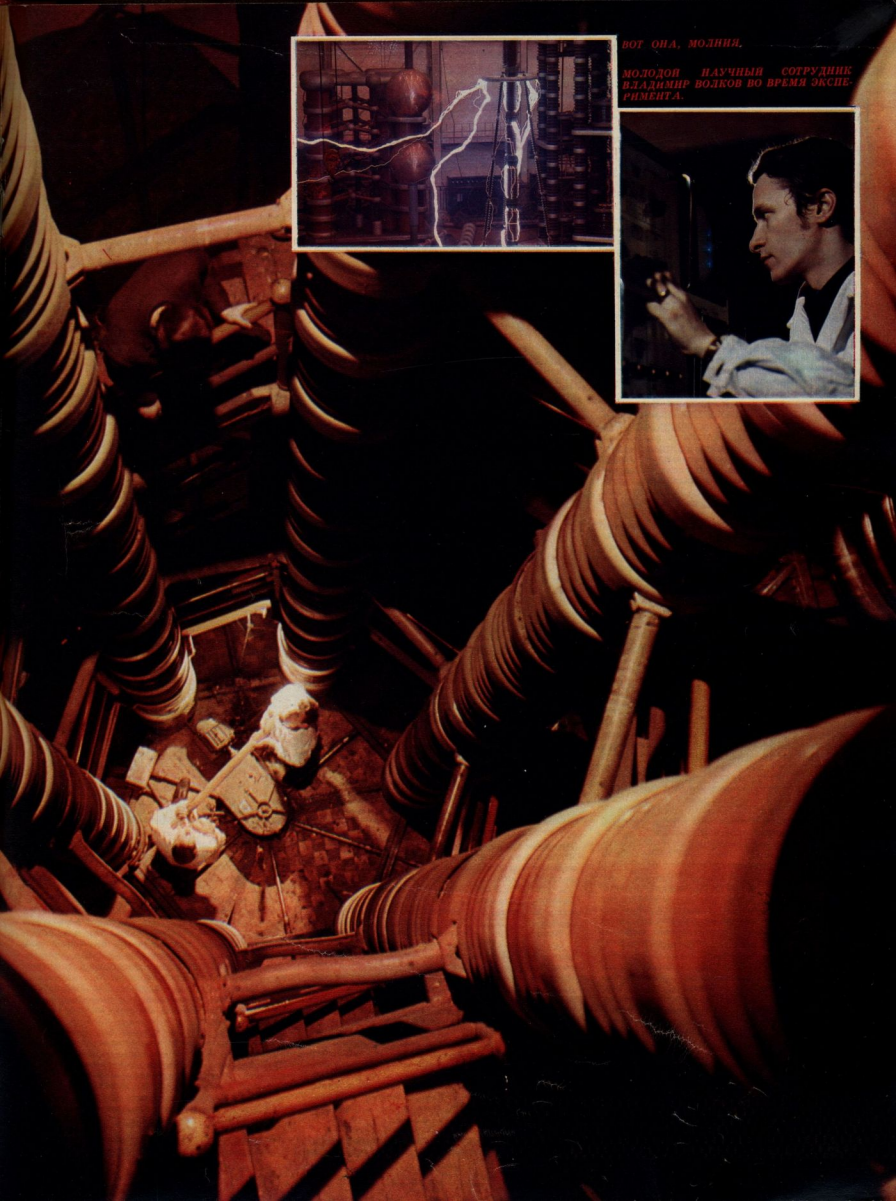
Все идет нормально. То есть так, как и должно быть, когда линии электропередачи работают в нормальном режиме. Однако на линиях часто возникают и аварийные ситуации, например, во время грозы. Таким же воздействием можно подвергнуть изоляцию во время эксперимента. Все выше и выше поднимается напряжение импульсного генератора. И вдруг — ослепительная вспышка молнии озарет огромный зал, отозвавшись за толстыми защитными стеклами кабин грозыми, громовыми эхом.

Эксперимент закончен. Люди в белихалатах выключают приборы, собирают записи, чтобы потом, в тишине лабораторий, анализировать, обобщать, искать новые пути к освоению ЛЭП на сверхвысокие напряжения.



ВЫСОКОЕ
НАПЯЖЕНИЕ

ИМПУЛЬСНЫЙ ГЕНЕРАТОР.



ВОТ ОНА, МОЛНИЯ.

МОЛОДОЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
ВЛАДИМИР ВОЛКОВ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕ-
РИМЕНТА.



...емиго на земле улиц, которые назывались бы именем литературного героя. А в Москве есть. И каждый раз, проекая на ней, и слышу, как произносит имя героя одной из лучших наших книг — «Как закалялась сталь» — водители трамваев».

Да, это улица Павла Корчагина! А радом, в каких-нибудь пяти минутах ходьбы от нее, в маленькой, скромной комнате, живет старая женщина писательница Екатерина Ефремовна Немцова.

— Я хорошо знала Николая Алексеевича до того, как он стал прославленным писателем, — удивила олдэмды она меня, когда беседа у нас зашла о литературе, и в частности о Николае Островском.

...Из потерявшей рижей папки Екатерина Ефремовна достала пожелтевшие фотографии, брошюры, какие-то документы и протести мне. Вот брошюра с краткой биографией Островского, на обратной стороне обложки надписи жены писателя Раисы Порфирьевны: «Катюше Немцовой о двух встречах с Колей».

— И очень малою, — говорит Екатерина Ефремовна, — что большая часть фотографий и документов мне писем пропала в годы войны, среди них были и письма Николая Островского ко мне.

Я понимаю чувство этой женщины. Ведь письма эти запечатлели глубокую признательность Николая Островского к таким людям, как Екатерина Ефремовна, которые пришли к нему на помощь, когда он, измученный страданиями, был безземным инвалдом гражданской войны.

Впреки принятому мнению слава литератора пришла к нему нелегко и далеко не сразу. В 1928 году, — вспоминает Екатерина Ефремовна, — я работала председателем сочинского профсоюза «Нарпарт». Как-то ко мне пришла молодая красивая женщина Раиса Мадюк. Она рассказывала о безземном инвалде, который мужа и передавала записку от него: «Очень прошу вас прислать ко мне какой-нибудь из ваших работников. Мне надо заключить договор с подательницей записки Раисой Мадюк». И подпись — Николай Островский.

Ужасная за больным, его жена почти не имела возможности работать, а в стране в то время вводилась карточная система, и потому карточкой Островский пользовался, — давала Раиса возможность получать карточки, открывая ей путь в профсоюз.

Я направилась к незнакомому Н. Островскому. Я уже знала от Раисы, что Островский — комсомольский работник в Украине, тяжело болен, приехал в Сочи лечиться.

Островский занимал в маленьком деревянном домике на Крестьянской улице две крохотные летние комнаты, которые сдал ему Александр Александрович Жигарев, старый член партии, лечившийся вместе с Николаем Островским в санатории.

Я вошла в дом и увидела молодого человека, лежащего на узком топчани. Он был совсем неподвижен, двигались только кисти рук с тонкими пальцами. Из-под байкового одеяла выглядывали исхудавшие плечи. На стуле лежали стопки книг, ручки галет и журналов.

— Радуясь, Коля! — обратилась к больному еще с порога Раиса. — К нам сама председатель союза «Нарпарт» пришла.

Островский повернул голову и поверился подобно к нему поближе. Он пристально посмотрел на меня, и в темно-карих глазах мелькнула радость (в то время он еще немного видел левым глазом). Николай Алексеевич взял мою руку и долго держал в своей.

— Екатерина Ефремовна Немцова? — улыбаясь, переспросил он, когда я ему представилась. — Это как-то официально! — И прошудил: добавляя: — Для меня достаточно, что вас зовут Катя. Какое-то приятное слово. Разрешите, я буду так вас называть. Договорились?

Сразу перебрал на «ты», Островский откровенно признался Екатерине Ефремовне, что когда он берет человеческую руку — так вот держит ее, то одна видя, много узнает о человеке. И это первое рукопожатие остается в его памяти навсегда.

На свои страдания Островский не сетовал. Мучительно он и в душе, и в телу, — беспокоила неустроенность. Встретившись с председателем союза «Нарпарт», Николай Алексеевич лишь повторил свою просьбу, изложенную в записке, и

добавил, что очень хотел бы поскорее познакомиться с местными коммунистами, комсомольцами.

Договор Островского с Раисой Мадюк был оформлен Немцовой в тот же день.

От Островского Екатерина Ефремовна вышла расстроенная. Как же так, бывший секретарь райкома комсомола, инвалид гражданской войны, а живет в таких отвратительных условиях! Она сразу направилась в Сочинский райком партии. Первым секретарем райкома был тогда пожилой, но энергичный и острый человек, «зрелый бородой от подбора до ушей», как его описывает в романе «Как закалялась сталь» Островский.

— Именно таким я и запомнила на всю жизнь нашего секретаря Михаила Тимофеевича Костенко, — улыбаясь мне собеседница. — Это был настоящий партизек ленинской школы. Он носил до революции конспиративную кличку «Больмер». С тех пор она стала его второй фамилией.

Екатерина Ефремовна рассказала мне, как она принялась было подробно излагать Михаилу

Однажды после чтения Николай Алексеевич выразил желание, чтобы Рая, его преданый и самоотверженный товарищ и жена, участвовала в общественной работе.

— Ты, Катюша, обязательно вступи же в актив. Нельзя ей без этого. Она жена большевика. А потом, Рая у меня очень способная и деловая.

Вскоре Раю приняли в профсоюз, поручили обследовать условия труда домашних работниц. Затем она поступила на курсы совпрофа, стала делегаткой женотдела. Николай готовил ее к партии.

Для Раи нашли работу — место уборщицы в чайной. Пятнадцать рублей в месяц — деньги не ахти какие, но и они на дороге не валяются. Через некоторое время Рая перешла на службу в гостиницу «Кавказская Ривьера».

Как-то к Екатерине Ефремовне обратилась мать Островского Ольга Осиповна, приехавшая к сыну в Сочи на Шенетовы.

— Ты, Катюша, и для меня что-нибудь придумаешь насчет работы.

Катя подыскала и ей дело. Ольга Осиповна

С Катей Немцовой мы познакомилась в Сочи. Мы с Николаем тогда жили очень трудно, и в Кате была чужого и заблажного товарища. Она одна из тех, кто бескорыстно и искренне помогал никому не известному сыну Николаю Островскому. Общенье с такими людьми прибавило ему новые силы, позволило преодолеть недуги.

Раиска Екатерина Ефремовна Немцовой дополнила уже известные страницы жизни Островского в Сочи тех лет. Я думаю, читатели с интересом ознакомятся с этой публикацией.

Раиса ОСТРОВСКАЯ

СТРАНИЦА ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Борис КРЫЛОВ

ЛИНЮГРЫ В ГОСТЯХ У НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО.

Из архива Государственного музея
Н. А. Островского в Москве.



Тимофеевичу все, что узнала об Островском, но Костенко уже слышал о нем и побощал Кате подыскать для Николая Алексеевича более подходящее жилье.

А тебе, Катя, даю такое общественное поручение. Надо читать ему вслух, ведь он не видит... Надеюсь, ты против этого возражать не станешь?

— Катя согласно кивнула головой.

Она была одной из первых, с кем познакомилась Николай Островский в Сочи, после выписки из санатория. Вскоре она приехала в Островскому своему подругу Ивану Микозериде, члену правления союза «Нарпарт». Обе стали часто навещать Николая. Он всегда встречал их радостной улыбкой и с огромной благодарностью принимал их заботу.

Новые друзья, став постоянными гостями Островского, держали его в курсе сочинских событий. Катя Немцова читала Николаю все, что его интересовало. А интересовало его многое.

— Было и так, что и не сразу могла понять смысл прочитанного. Николай расхолаживался, то что было для меня не совсем ясно, — вспоминает Екатерина Ефремовна. — О меня многому научил...

стала брать белье у постояльцев гостиницы и стирать его дома. Николай, таким образом, был у нее на глазах.

Улучшились и жилищные условия Островского.

Как-то в его новую отдельную двухкомнатную квартиру на улице Войкова, 39, заглянул Михаил Тимофеевич Волмер. Николай Алексеевич давно ждал его с нетерпением. Они познакомилась, завязался неторопливый сердечный разговор старого большевика с молодым, уже испытанным коммунистом. Расставаясь с Островским, Волмер поощрял:

— Я тебе приехал человека. Дельный парень. Он и охотник, и рыбак, и фотограф, и радиолюбитель, и вообще на все руки мастер. Он тебе радио соорудит.

На другой день к Островскому явился молодой человек со светлыми жимыми глазами, энергичный и неутомимый — Лев Николаевич Береснев, или просто Лев, а еще проле Левушка — так ласково стали звать его у Островского. Своей милой общительностью, веселостью и непосредственностью он покорила Николая и всех его близких. И никто сначала не догадывался, что Береснев — большой человек

(прежде у него была открытая форма туберкулеза, и после операции он жил с четвертью одного легкого).

В 1918 году Беренев вступил в партию и добровольно ушел на фронт. Биографии Николая Отростковского и Льва Беренева оказались до какой-то степени схожими. Тот и другой сражались с врагами революции, оба потеряли здоровье на фронте, приехали лечиться в Сочи.

Вскоре в квартире Отростковского появились советские комсомольцы. Под руководством Беренева они лазили по крышам, устанавливали радиомачту. Сам Беренев собирал приемыли и привлекал наутрашним у постели Отростковского.

И вот в квартире вторгся весь мир с его веселой музыкой, политическими событиями.

— Николай был безмерно счастлив, когда заработал приемник, — вспоминает Екатерина Ефремова. — Я слышу теперь весь мир! Слышу Шамашши, весь мир! — восклицала он и сде- лав знак рукой, призывая нас к тишине. С ка- кой признательностью говорил он о своем дру- ге — Петре Новике, приславшем из Харькова дефицитные детали к радиоприемнику. Как бла-

Но бывал Николай и яростным, непримиримым. Помню, особую ненависть вызывало в нем всякое проявление мещанства, жизнь без борьбы, без принципов, в покое и благополу- чии.

Отростковский знал, что парни и девушки, сидя- щие вокруг его постели, люди иного, нового склада, и безмерно этому радовался.

Но кружок кружком, а Николай считал, что ему следует выполнять и другие партийные по- ручения райкома. Он не раз просил Вольмера найти ему подходящее дело, но тот постоянно советовал Николаю хорошенько отдохнуть и по- лечиться.

Между тем физические силы покидали Отростковского. Он уже совсем перестал видеть. Раз- вившийся полиартрит привел к окостенению суставов, мучительные боли в них не давали покоя.

Все более затруднительным становилось и ма- териальное положение семьи Отростковских в те не легкие для нашей страны годы начала первой пятилетки. Скрывая пенсию инвалида граждан- ской войны передо задерживалась из-за отсут-

в то время работала на строительные столично- го метро, возвращалась с ночной смены.

Нет уж, Катюша, теперь ты от меня не уйдешь. Покойся сейчас же и нам. Мы живем отсюда недалеко. А Николай-то как будет рад! — уговаривала Ольга Осиповна. — Ну, а как ты? Как в Москву пошла? Что делаешь? Николай после операции выжилился остался здесь.

Беседу, они шли кривыми арбатскими переулками, пока не очутились наконец в Мертвом переулке (теперь переулок Николая Отростковского).

Ольга Осиповна провела Катю через прихо- зую в небольшую узкую комнату, где на кровати, покрытой толще солдатским одеялом, лежал Николай. После операции (ему удалили паравидиальную железу) он был еще более худ, бледен и изурна. Но в глазах его сияло во- бужденно и вдохновенно красивые карие глаза.

Он узнал Катю по голосу.

— Катюша, милая, какими судьбами?... Са- дись и скорее докладывай о себе. А что мне? Впрочем, вот важная новость: пишу книгу. Она — о нашей молодежи первых лет ре- волюции, о том, что ты уже слышала от меня в Сочи. Мамочка! Дай-ка Кате чайку. За чайком как-то лучше идет работа.

Николай пишет книгу! Это потрясло Катю. Ведь еще в Сочи, несмотря на настоящие уговоры друзей, он не решился, все казалось ему, что не хватит сил. А с той поры сил- то не прибавилось, напротив, взгляды он еще более худым, изможденным. На столе и этажер- ке лежали аккуратно сложенные, исписанные листы бумаги. А рядом — газеты, книги, жур- налы.

Сейчас тут у меня порядок! — объяснил Отростковский, увидев, что я заинтересовалась руко- писью. — А вот ночью взглянула бы, сколько бумаги на полу!.. — воскликнула он. — Признай- ся, наверное, думала, что я совсем равняла! Ами нет! Ну что из того, что я и постыла? Это не главное! Главное то, что я теперь занят настоящим делом. Да, Катюша, я еще поработаю на своем веку! И плавать я хотел на свои не- луги!

Принялась и я подробно расписывать ему свое житье-бытье. Рассказала, как из Питгир- ска направил меня в Москву учиться, как по- пала помощником санитарного инспектора на строительство Московского метрополитана.

В то время о подземной железной дороге мно- гие не имели еще точного представления. Поэто- му Николай заставлял меня рассказывать. Его ин- тересовало все: и подземная техника и люди, ко- торые ее осваивают.

Рассказываю как-то: в забое между будущи- ми станциями «Охотный ряд» и «Библиотека имени Ленина» прорвался мощный плавун. Хлынула в брешь вода громада затопить шах- ту. И тогда один отважный парень, спихиваемый с ног потоком, подобрался к брешу и закрыл ее своим телом. Шахта была спасена.

Трудно передать душевное состояние Нико- лая, когда он услышал об этом случае.

— Вот это по-нашему! — воскликнул он. — Да же этот индеец? Как его зовут? Это ж на- стоящий герой!

...Когда Екатерина Ефремова, одевшись, со- бралась уходить, Ольга Осиповна, провожая ее, зашептала в коридоре:

— Ты видишь, Катюша, какой он немощный. А ведь делами почем-то выше и знает и знает, даже еще часто отказывается. Господи, к чему все это? Может быть, вся эта история никому не нужна? — горестно проговорила она. — Ты бы почаше на- вешивала его, гляди, как ожилась после твоего расказа!

...Екатерина Ефремова еще несколько раз навещала Отростковского после той памятной встре- чи. Бывала у него и тогда, когда он стал про- славленным советским писателем. Вместе с дру- гими близкими ему людьми из Москвы, включая Алексея Николаевича Новоденцева, она была рядом с могилкой Дмитрия Фурманова погребен его прах.

...Мы выходим из дома. На перекрестке Екате- рина Ефремова оставляет меня и долго смотрит на отцу улицы Павла Корчагина.

— Моего теперь в Москве новых улиц, — го- ворит она, — разные и их названия. Но имя этой улицы особенно дорого. Улицы Павла Кор- чагина!



говаривал Левушку за эту самую дорожку для него вещь. Он брал Левушку и поцеловал.

По вечерам к Отростковскому запросто стала приходить молодежь. Этот народ он больше всего любил и с нетерпением и радостью ждал его.

Парни и девушки принашивали у его кровати, занимали все свободные места в обеих комнатах. Начинались занятия политкружка.

В то время я была недостаточно сведущей в вопросах политики, — признается Екатерина Ефремова. — Откладывая дела, вечером тоже шла к Николаю Алексеевичу на его политкружок.

Начинался вольнолюбивый разговор о мину- шей гражданской войне, разрухе, о комсомоль- ских тех лет, о событиях больших и важных, которые происходили тогда в нашей стране и во всем мире. Пронагандистом Отростковский оказался замечательным. Приходилось только удивляться его памяти и эрудиции. Умел он увлекать слушателей своим словом, объяснял любой материал просто, убедительно, с природ- ным юмором.

ствия денег в банке. Президиум союза «Нарпит» несколько раз ставил вопрос об оказании ма- териальной помощи Отростковскому. Об этом хлопотала Екатерина Ефремова.

Особенно трудно было с кровями, когда на- ступила зима. Ката, Зина и Рая иногда при- носили авансы дров со склада совпрофа, пока не добились решения райисполкома отправить Отростковскому целую подводу дров.

— Так Николаю Отростковскому помогали и другие сочинцы, но сам он никогда ничего для себя не просил, — сказала Екатерина Ефремова. И, помолчав, продолжила: — В сентябре 1929 года и расстался с Николаем Алексееви- чем. Заболела, и меня направили в Питгирск. Там я работала и лечилась. Закончив курсы, участвовала в коллективизации окрестных сел, занималась ликвидацией детской беспризор- ности. И когда меня начали преследовать не- удачи, я вспоминала историю необыкновенной жизни Николая Отростковского. Вспоминала о его мужестве, которым восхищалась еще в ту пору, когда не была написана «Как закалялась сталь».

...Осенью 1931 года на Арбатской площади в Москве Екатерина Ефремова случайно встрети- лась с Ольгой Осиповой. Екатерина Ефремова

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА,
Мирслав МУРАЗОВ (фото)

ПЛАТЬЕ С АВТОГРАФОМ АЗЛИТЫ



Азлита Ломакина рисует масляными красками на тонкой белой материи: бязи, батисте, прозрачной майе... Прихотливая линия имитирует узор вышивки, сложного кружева; филигранный рисунок и богатство цвета придают легкой ткани сходство с любимым «заданным» материалом — будь то шелк или тяжелая парча, бархат или тонкая шерсть...

Несколько лет назад Азлита Ломакина, уже сложившийся мастер театрального костюма, впервые обратилась к искусству создания живописи на ткани. Вот как это произошло.

...Ее дети — сын и дочка — рисовали, как все малыши, — ярко, смешно и неожиданно. Это заставило ее вспомнить свою собственную «страну детства», а доверчивая фантазия детей, их увлеченность были для нее лучшими ориентирами в творчестве.

Ребята подросли и забыли о рисовании. А Азлиту живопись завладела целиком. Дочь художника театра Михайла Кожина, Азлита дебютировала как художник театрального костюма.

Техника, которой пользуется Азлита Ломакина, не нова. Искусство росписи тканей насчитывает века. Напри-



мир, в раскошной книге царя Алексея Михайловича есть записи о матерьялах и красках, выданных «пистредельникам», чтобы за два дня они на шкатулке нарисовали «зурчатые тьяны» для царского убора. И все-таки, знакомясь с творчеством Аэлиты Ломкиной, сознаешь, что это — открытие. Открытие талантливой мастерицы. И открытие нового жанра — живописки на ткани.

«Сочиняя» свои узоры, Аэлита учитывает не только текстуру имитируемого материала, но и силуэт и даже фасон будущего платья. Поэтому работа художницы начинается «на натуре». Первые наброски рисунка, определяющие его строй, сложную цветовую композицию, Ломкина создает, исходя всегда из конкретного облика той или иной женщины, ее профессии, ритма жизни.

Сегодня в костюмах, созданных Аэ-

бочие клубы Зеленограда, на фабрике Москвы; благодарят за красоту, которую она сумела найти.

Художница много ездит по стране. Чтобы увидеть что-то интересное, она способна тут же бросить все московские дела и налегке отправиться в Дагестан или на Север, к поморам. Для нее очень важно и постоянное общение с теми, для кого предназначены ее произведения. Такое общение для нее — обязательный компонент творческого процесса. Не удивительно, что, показывая мне свои работы, Аэлита рассказывает не столько о них, сколько о тех, кому они служат теперь.

— В этом черно-белом защищалась докторская диссертация. А вот это, розовое, должно было помочь поверить в себя...

Ну, а нузило или все-таки вручную разрисовывать тканям масляной крас-



кой, выступают такие известные исполнители, как виолончелистка Наталья Гутман, заслуженная артистка Армянской ССР Лилит Карагаш, артисты вокально-инструментального ансамбля «Мадригал», и многие другие.

Важная деталь: приступая к работе над костюмом для концерта, выступления в театре или на эстраде, художница всегда стремится проникнуть в суть исполняемого произведения, почувствовать его характер. По ее мнению, нельзя играть, скажем, 1-й концерт Чайковского или читать стихи Франсуа Вийона в одинаковых туалетах...

Таким же продуманным своеобразием отличаются и ее платья-картины, предназначенные для дома, улицы — словом, для обычной жизни.

Недавно в Москве, в залах Центрального Дома актера и Центрального Дома архитекторов, состоялась демонстрация работ художницы. Прошла она с огромным успехом. А через несколько дней в маленькую студию на Кузнецком мосту полетели конверты со штемпелями разных городов страны: художницу приглашают выступить в Союзе кинематографистов, просят еще раз приехать в ра-

бочий, если в наши дни один миллиарда-ми метров выпускаются фабричным способом! Зачем рисовать силуэт на натуре, если в стране работают 50 Домов моды?, сотни конструкторских бюро? Если ежедневно заводится в строй мощные предприятия легкой промышленности, оснащенные новейшей техникой!

Что ж, вопрос справедливый. И тем не менее развитие моды, ее движение вперед во многом зависят и от таких энтузиастов, как Ломкина, которая сумела превратить свою маленькую студию в настоящую творческую лабораторию.

Я убеждена в том, что творчество этой художницы должно найти широкое промышленное применение. Конечно, первый экземпляр платья-картины может быть создан по специальному заказу для актрисы театра или эстрады. Но затем это платье вполне можно растряндронировать аллой серией [допустим, в сто экземпляров]. И тогда каждая модель с рождением «Аэлиты» принесет людям в сто раз больше радости, красоты, праздничного настроения...

А ведь именно в этом — дарить людям радость — видит суть своего труда художница Аэлита Ломкина.





Комсомольский характер

Сергей АБРАМОВ

ДЕНЬ

Стас проснулся, потому что заплакал Димка. Димка любил точность и всегда заявлял о своем существовании в семь утра. Быть может, поэтому Казаковы вполне могли обходиться без будильника.

Люся подошла к Димке, пошептала ему что-то тайное... Димка стих немедленно, слушал ее, тараща «незаконных» глаза-пуговицы — не то зеленые, не то голубые, не поймешь! — замiral в ожидании начала дневных событий, необходимых и важных, как же иначе!

Стас понимал Димку, понимал его нетерпеливое желание действовать: куда-то бежать, что-то придумать чему-то сопротивляться. И еще сюда

можно добавить с десяток глаголов, обозначающих или работу, или суету, ибо все это свойственно любому возрасту — от года и дальше, а слово «работа» включает в себя и Димкины кубики и электронные схемы Стаса.

Димке был пока год. Стасу — пока двадцать девять.

Из своего дневного распорядка он не исключал ни суеты, ни работы. Впрочем, под суетой понималась та же работа, для выполнения коей требовалась спринтерская беготня по лестницам института, анонги значительное ожидание в директорской приемной или полировка стила для составления заявок и заявлений.

Вредное понятие «суета» в Новосибирском ака-

демгородке приобрело совсем иной смысл, и уж, конечно, никак не оскорбительный: неизбежно и безгрешно она сопутствует всякому настоящему делу. В конце концов бруновское движение — та же суета, но с фундаментальным значением в нашей жизни.

Ах, как мало времени отпущено нам для работы! Скорей, скорей, через две ступеньки — по лестнице с шестого этажа, влиться в утренняя толпу, не шествуящую солидно (как положено ученой братии!), но бегущую по улицам в свои институты и конструкторские бюро, напрямик через лес — на Университетский проспект, терпя по пути математиков и геологов (их «фирмы» в самом начале проспекта), вахтеру — «пропуск в разверну-

тот видел — и в стеклянные двери трехэтажного корпуса Института автоматики и электромеханики. И, не сбавляя темпа, по лестнице на второй этаж, в двери с табличкой «Группа 2—5». Крючок на задней стенке шкафа — для пальто (не промахнулся). И машина за дверью — под стол и — измерять, замерять, теперь по вую суету, теперь свое время подумай.

Итак, что же у нас на сегодня? Распределение в университете — раз. Семинар в группе — два. Записки на семинар — три. Конференция в обшине комсомола — три. Телевидение — четыре. Ну и, конечно, помогать с ребятами над магнитными дисками: коверная штука, сколько уже бытается.

Собственно, с выбором диска вопрос полненький: использовать цилиндры с движущимися головками — других нет. А машина-то импортная, расчитана на диски с неподвижными головками. Значит, надо искать замену: либо новые технические приспособления, либо делаться (и дорого, и трудно, и не очень надежное), либо менять математическое обеспечение (а тут программист вздохнет: сложность во много раз увеличится). Но без диска нельзя: это дополнительная память машины и, следовательно, и заместительная, и легко заменяемая. Словом, универсальная...

Стас посмотрел на часы: десять минут до начала работы. Странная привычка — приходить раньше. Вообще-то по плану на конференцию в обшине института созвали группу «2—5», а руководителем ее стал кандидат технических наук, комсомольский секретарь института Станислав Казов. Вообще-то по плану он Станислав Михайлович. По штату отдела кадров. А по комсомольскому — Стас. И по возрасту (наверное, еще такой) тоже Стас. Или, в крайнем случае, Савва.

Кстати, Станислав Михайлович мог бы и опоздать на работу: работа, понимаете ли... А Стас не может: права не имеет. Он порою ловил себя на мысли: не успеваю, не успеваю! Ну, кандидат наук. Ну, руководитель группы. А толку-то? Группы никакой, а заместительная, и получают совет, пока. А дальше что будет?

Стас похвистал: дует из окна, целую неделю по городу гуляет ветер. В газетах пишут: «Порывистый ветер, до сильного». Когда комсомольский институт на общественных началах строили на месте столбика машинный зал (первое сопротивление комсорга Казова), то ветер был ничуть не слабее. И ничего — работали на совесть, не жаловались на ветер, да и некогда было. И зал, между прочим, построили. С него-то все и началось.

Стас вспоминал, как после защиты диссертации долго мылся без дела. Институт пересматривал программу, раздельным измерением комплексов величин уже никто не хотел заниматься.

«Кому нужны ваши приборчики-коробочки?» — говорил директор. — Сейчас время машинных систем...»

Директор был прав, и Стас не спорил. Ходил на работу, думал о «коробочках» (последние денечки), думал: что дальше? Начал кое-что по программированию почитывать — на всякий случай, да и интересно почитать.

Учиться пришлось многому: цифровой технике, программированию, английскому языку (все руководство к машине — на английском). Вместе со

Стасом учились остальные. «Понрався на инициацию комсомола ВЛКСМ, начать освоение машинных...» — примерно так было сказано в приказе. Мало-помалу освоили, и сами освоились. Ира Болдырева и Виктор Сумитловский смонтировали прибор соединительную плату. И машина ожила.

Вот тогда и была создана группа 2—5, и комсорг Казова благодаря своей комсомольской должности стал руководителем группы, начисто забыв о некоем любимом приборчике. Вот тогда и появилась у него эта дурная привычка: вечно торпаться. И, как следствие, приходить на работу чуть раньше, чем это положено институтским распорядком.

В коридоре уже кто-то орал, хлопал двери, пуская в комнаты сквозняки. Шел Виктор и, не здороваясь, спросил с порога:

— Слушай, насчет этих дисков... А если компромисс? Подпрограмму-драйвер в машине не менять, а повесить еще «вспомогательную» команду с машины трансформировала бы для наших дисков?

— Стас прикинул идею и тут же отверг ее: — Ты о размерах «вспомогательки» подумай! Она же больше всех машин будет!

— Значит, надо драйвер изменять.

— Надо. Но что с адресным словом делать будем?

С адресным словом ничего не выходило. Оно заранее записывалось на магнитном диске перед началом сектора для программы и помогало определить, какой же это сектор. Стало быт, при записи программы на диск терялась куча времени: сначала — режим считывания для определения адресного слова (тот ли сектор нашли), потом менять режим работы на запись и так далее и так далее.

— Думаю дальше, — сказал Стас. — Ты в очках, Виктор, умный.

— Я не умный, — возразил Виктор, — способный. Защищу диссертацию — стану умным.

«Мы все только способные», — думал Стас. — А вот умных нам как раз и не хватает. Умные — математики или программисты. А мы техники. Мы можем придумать и делать, а теоретическую базу подвести — ищи тонка. Для этого нам умные и нужны...»

Он уже давно присел перед ребятам с математикой и физикой на НГУ, фанате, что надо. Впервые ездил к директору домой, договаривался о приеме их в группу «2—5». Директор — звал. Бухгалтерия тоже вроде не против. И в университете знают. Сегодня надо постараться и распределиться, поехать на комиссию. И так все без сучка пройдет, но, когда сам присутствовать, все-таки надежнее. Кстати, оба парня — с рекомендацией Эдика...

Он встал и пошел к двери.

— В десять семинар. Не забыли?

— Не забыли, — сказал Виктор. — А ты куда?

— К машине. Поговорю с Эдиком.

Эдик Галицкий, аспирант, вошел в группу к тому и незаметно. Ну, во-первых, характер у него такой: слова лишнего не скажет, работает себе — даже не зная, что он там делает. А делает немало. Рассчитал для машины новый транслятор — штука ли! Стасу он нравился, этот молчаливый чуть сутулый парень. Нравился за умение работать молча, без ажурности и эмоций, за безотказность, за влюбленность в дело.

Он и сейчас торчал у машины, медленно наби-

дет преферанс, только характер проявил бы. — Да соберись ты в конце концов, — учил его Стас. — Кулаком по столу молнешь?

— Не могу, — стаянно улыбался Эдик.

— Придётся. В крайнем случае руку поднять. Поможет, а уж об стол твои сам гравировать. Идет? И, не дожидаясь ответа: — Я тебе сегодня помощников узаконю. С директором поговорю и к тебе и о них.

«Счастливый человек», — думал Стас. — У него кулак для каранди приспособлен. Или для паяльника. А вовсе не для того, чтобы им по столу стучать. И не нужно ему это, и не думает он об этом. Он, небось, даже не знает, как у директора двери в кабинет открываются. Ну, ничего, зато я знаю. И как другие двери открываются, знаю. Из-за этого даже говорят, что у меня способности и организаторная работа. Ну, это уже перебор, какие там, к черту, способности! Да и толку-то от них...»

Стас, конечно, приблудился: благодаря его «организаторским способностям» группа могла работать без перебоев, зависящих от склада или мастерских, где изготавливались ее заказы. Есть такая термин, уже давно ставший штампом: зеленая улица. Вот это как раз о работе группы. Было бы грешно, конечно, отдавать все лапы Стасу. Дело в том, что тематика группы точно укладывалась в основную тематику института: «Разработка», то начинался группа с комсомольского секретаря, который организовывал, пробовал, шлепал, сидел на совещаниях и тем самым дал повод говорить о своих организаторских способностях.

Они еще понадобятся ему, когда он будет прибывать Эдику команду. Да мало ли на то понадобится он! Хотя бы на то, чтобы самого себя организовать, построить свое время так, чтобы ночью все-таки спать, а не доковылять толстым машинистским трудом о системе КАМАК.

Вообще-то вздохнуть им было необходимо. И прежде всего потому, что по нынешним временам хорошая универсальная система связи между производным процессом и производным вычислительным процессом, КАМАК — это язык, на котором любой прибор может «разговаривать» с ЭВМ. Любой — это особенно подчеркивает разработчик КАМАК.

Но все-таки была в том, что в системе этой разработать довольно сложно, с ходу ее не одолеешь. Виктор попытается это сделать, и сегодня группа «2—5» собиралась на семинаре послушать «первопроходца».

«Первопроходец» стучал по доске мелом, бодро сыпал терминами, поглядывая в рукописи и, наконец, замолчал, с тревогой ожидая вопросов.

Вопросов было много — дотошных и не слишком величавых. На половину из них Виктор ответил. Со второй половиной было хуже: он устал, листал рукописи, поправлял очки, бросался в бой с ожесточенностью студента на экзамене, которому у него и терять нечего, но в конце концов признался:

— Тут никаких ответов не найти. Все толковать надо по-своему. Апоксионы какой-то, а не руководство...

Стас съехидничал:

— Когда общенинститутский семинар по КАМАКу был, так ты орал непрерывно — знания показывал.

— Так там я из второго ряда орал, — не смутился Виктор. — Во втором ряду знания лучше проявляются, чем у доски.

— Ты в СКБ был? Как они обьясняют?

— Никаких они не обьясняют. Толкуй, как хочешь. По-моему, легче будет на основе собственных толкований свою систему сделать...

«Ох, конечно, прав», — соглашался про себя Стас. — Инженер поучеся комсомольски легко создать свои варианты какой-либо системы, чем точно скопировать заданную. Вот и плохо: изобретать велосипеды, потому что лень думать. Точ-

Построивший комсомольцами машинный зал, естественно, требовал машину. Машина была — новенькая, заграничная и, не, каждому-то понятная. Его любовались, восторженно ахали, но никто не решился освоить этот загадочный аппарат.

«Вот вы этим и займитесь», — сказал Стасу директор. — Думай о комсомольском нагнетании (последние денечки), думай: что дальше? Начал кое-что по программированию почитывать — на всякий случай, да и интересно почитать.

Учиться пришлось многому: цифровой технике, программированию, английскому языку (все руководство к машине — на английском). Вместе со

рав программу на телетайпе, ждал выхода результатов.

— Привет, — сказал Стас. — Идут дела?

— Как я встал тут, как поклонился невольно (ну, что же сейчас кланяться?) — все Стасу нравилось. И как сказал негромко:

— Да не очень, Стас, дела. Надо в очках ехать...

Об этом Стас знал: чтобы уйти из очковой аспирантуры, Эдику придется предстать перед грозными очными своими хабаровскими шефами. Почему грозными? А разве потер аспиранта — большая радость! Но Эдик прав здесь, приработало. Ему бы и возглавить «умников» в группе. Здесь бы и диссертацию защитил... У него все выйдет, вый-

— Когда общенинститутский семинар по КАМАКу был, так ты орал непрерывно — знания показывал.

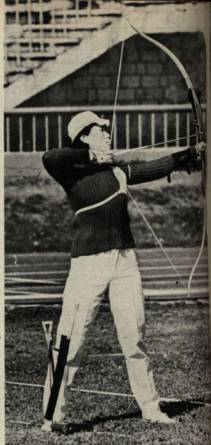
— Так там я из второго ряда орал, — не смутился Виктор. — Во втором ряду знания лучше проявляются, чем у доски.

— Ты в СКБ был? Как они обьясняют?

— Никаких они не обьясняют. Толкуй, как хочешь. По-моему, легче будет на основе собственных толкований свою систему сделать...

«Ох, конечно, прав», — соглашался про себя Стас. — Инженер поучеся комсомольски легко создать свои варианты какой-либо системы, чем точно скопировать заданную. Вот и плохо: изобретать велосипеды, потому что лень думать. Точ-

МОЛНИИ



ПОКА НЕ ПОСЛАНА СТРЕЛА.

В КОЛЧАНЕ



улыбка никак не ассоциируется с суровым героем Вальтера Скотта.

Однако дело, разумеется, не в названии. Возможно, Робин Гуд, так же как и персонажи Купера, Жюль Верн, Ственсона, и сыграл какую-то роль в судьбе Эммы Галченко. Не прямою, а косвенную (хотя, признаюсь, очень трудно объяснить Эмму увлечением романами Вальтера Скотта). В детстве она с удовольствием читала подобного рода литературу. Ее fascino романтические подвиги, нравилась смелые, сильные, ловкие люди. Хотела походить на них, подражать им, и ждала она поры, что не родилась мальчишкой...

Эмма никогда не собиралась стать спортсменкой. Школьницей, затем

диона «Ангард» и фамилию тренера, к которому следует обратиться, сославшись на нового знакомого. И, конечно, не знали ни этот парк, ни сама Эмма, ни даже тренер, давший ей первые уроки, что через семь лет ее, Эмму Галченко, узнают все, кто хоть мало-мальски интересуется спортом.

Этот тренер (не будем называть фамилии), приняв Эмму в секцию и познакомив ее с первоосновами техники стрельбы из лука, не сумел ни разгадать в девушке больших способностей, ни понять, что лук для нее не просто увлечение, но любовь. Через некоторое время он объявил Эмму «бесперспективной», и она ушла из секции.

Но Эмма упряма, она не любит

рого уже почти не остается. И соревнования, поездки, к которым надо специально готовиться.

Говорят, тяжело а ученье, легко в бою. Трудно на тренировках — легко на соревнованиях. Тренировки — будни, однообразная, доведенная до автоматизма работа, пот и терпение. Соревнование — праздник, азлет, апофеоз.

А вы бывали когда-нибудь на соревнованиях по стрельбе из лука? Убеждены, что немного утвердительно ответит на этот вопрос. И не только потому, что лук всего 15 лет культивируется у нас в стране и не успел завоевать большого числа болельщиков. [Для непосвященных дам короткую справку: первые секции лучников были организованы в



ПРОВЕРЯЕТСЯ КАЖДАЯ МЕЛОЧЬ.

— ЛЕТАЕТ... УЛБЕАЕТСЯ ЭММА ГАЛЧЕНКО...

студенткой она занималась многими видами спорта — плаванием, легкой атлетикой, волейболом... Не для того, чтобы достичь каких-то высот, а просто так, для здоровья. Ей нравилось чувствовать себя маленькой, но силу в мышцах, управлять своим телом, быть всегда крепкой и бойкой. И не думала она, что спорт из просто приятного занятия станет призванием, судьбой, сыграет такую огромную роль в ее жизни. Тем более такой вид спорта, как стрельба из лука, о котором она даже не слышала до двадцати пяти лет.

Все, как принято говорить, решил Его Величество Случай.

Эмма Галченко, молодой инженер одного из московских институтов, ахала в автобусе, раздумывая о предстоящей первой в жизни командировке. Автобус медленно тащился по шоссе Энтузиастов, и Эмма, глядя в окно, считала остановки. На одной из них салон вошел несколько людей парней. Сели рядом. Эмма не задержала ба на них взгляд — никогда не была любительницей автобусных знакомств. — если бы ее не привлекли необычные предметы, которые держали в руках ребята. Какие-то странно изогнутые дровки, блестящие металлические трубки с разноцветным оперением.

— Что, ни разу не видели лук и стрелы? — заинтересовался один из молодых людей.

— Ни разу, — призналась Эмма. — А вы приходите к нам в секцию. Не только увидите, но и научитесь обращаться с ними. Рукаешь, вам понравится.

— Да я и не знаю даже, за что здесь звать.

— Это нестрашно. Узнаете. То ли этому парню очень хотелось познакомиться с симпатичной девушкой, то ли он был ярким пропагандистом любимого вида спорта (а может быть, и то и другое), но Эмма вышла из автобуса, имея адрес ста-

оставляться на половине пути. Кроме того, она просто не поверила словам тренера о «бесперспективности», ощущая в себе и силы и возможность, а главное, огромное желание тренироваться и совершенствоваться.

Она продолжала заниматься самостоятельно, хотя, конечно, прогресс был не так велик, как хотелось. И кто знает, привели бы ее настоячивость и желание к нынешним спортивным высотам, если бы вскоре она не встретила с. Минаком Зайцевым. Зайцев, тогда еще молодой лучник и начинающий тренер, увидел в Галченко то, что не сумел разгадать ее бывший наставник. Он предложил Эмме заниматься с ней, и они вместе перешли в ЦСКА. Это творческое сотрудничество длится уже восемь лет.

Спортивная биография Эммы Галченко укладывается в несколько строк: начал заниматься стрельбой из лука в 1964 году, в следующем она впервые выступила в чемпионате страны. Десятое место для новичка было совсем неплохим, тем более что Эмма выполнила норматив кандидата в мастера спорта. В 1966 году она получает мастерский значок и становится чемпионкой Москвы. В 1969-м — дебют на чемпионате мира в США. Первая крупная награда — серебряная медаль на дистанции 30 метров и седьмое место в общем зачете. 1970 год приносит еще больший успех — серебро на первенстве Европы в Чехословакии. И, наконец, в 1971-м цель достигнута — чемпионат мира в Англии. Эмма Галченко завоевывает большую золотую медаль абсолютной чемпионки.

Видите, как все идеально построено шаг за шагом, из класса в класс, от верхних к верхним. Но между этими шагами — днем работа по специальности (напомним, Эмма — инженер-энергетик), по вечерам — тренировки и специальные — то техники стрельбы, по освоению материальной части (так по-военному сухо называют лучники свое оружие) и общечеловеческие — бег, плавание... И еще кино, музыка, театр. И для личной жизни хочется оставить время, кото-

Москва и Львов в 1957 году. В 1959-м состоялись первые международные соревнования между лужниками и москвичами. С 1963 года проводятся чемпионаты страны. В 1968 году наши спортсмены дебютировали на чемпионате Европы, а в 1969-м приняли участие в чемпионате мира. И, наконец, существенная деталь: в нынешнем году стрельба из лука впервые включена в программу Олимпийских игр. Стрельба из лука — вид спорта, пожалуй, камерный, интересный большому, но на взгляд, не публике, а самим участникам. Возможно, а заблуждусь, возможно, найдется человек, который заявит, что смотреть стрельбу из лука ему интереснее, чем футбол и хоккей, вместе взятые. Не буду спорить. Я на соревнованиях лучников ходил только из чувства долга — надо было оставлять газетные отчеты.

Соревнования длится четыре дня. Четыре дня — это двести восемьдесят восемь стрел, по семьдесят две на каждой дистанции. Но не сразу все семьдесят две. Тридцать шесть стрел — двадцать стрел по три стрелы на семьдесят метров. Затем столько же — на шестьдесят. Это в первый день. Тридцать шесть стрел на «полосоте» и тридцать шесть — на «тридцатке». Это во второй день. В третий — снова стрелы с семьдесят и шестидесяти метров, в четвертый — с пятидесяти и тридцати. Двойной международный круг, всем знакомый и надеющийся, официально именуется «управление М-2». Двести восемьдесят восемь стрел. С характерным звуком — будто открывают бутылку шампанского — развозятся они в деревянные щиты. Двести восемьдесят восемь! Запомните: ли хоть какая-нибудь из них? И если да, то кака?

— Помнится те, что попали в «десятку»... А может, те, что пролетели мимо... — Эмма Галченко, отвечая на мой вопрос, сначала раздумывает, потом говорит уже определенное: «Запомните: скорее всего две — первая и последняя. С первой связно мое начало, а с последней — конец всех надежд и усилий...»
...Почему это даже мне нравится.



портивная журналистика выработала немало словесных штампов. Каждому ясно, что таме мастера кожано-го мяча или кожаной перчатки, железной игры или маленькой ракетки. Даже неискушенному читателю отлично известно, что лучники могут быть летящими и стреляющими, а современные ридеры, как правило, — ледовыми. Баскетболистов издавна называют гулливерами, хотя, если вспомнить Сафита, Гулливер был человеком нормального роста. Футбольщики же поговаривают у нас мужатери. Ну, а стрелки из лука, конечно же, робини гуды.

Что ж, робини гуды так робини гуды. И все было бы хорошо и не стоило бы отступать от привычных образов, если бы речь шла о мужчине. Но «Робин Гуд», о котором я собиралась рассказать, носит кобу, тонко подводит глаза и чуть подмарывает губы, а его очаровательная

Огромное зеленое поле разделено несколькими линиями. Одна линия неподвижна, как солдаты на плацу... рудный ряд мишеней. Другое — ряд белых мишеней, из которых, нечетные, волнующиеся лишь по команде слова «Внимание! Первая зачетная серия...» обтекающе парадно стройность и четкость. Это стрельба в мишенях, одетых в подвешенным в полах кольцам, из которых торчат разноцветные хвосты стрел. Мужчины начинают с давности метров, женщины — с десяти.

Я сижу на трибуне и стараюсь отомыть глазами Эмму. Наконец нахожу: ее маленькая, стройная фигура будто вросла в землю; она стоит, чуть наклонившись вперед, в левым плечом к линии мишеней, зеленые глаза устремлены в одну точку, но тот самый маленький желтый кружок, куда серебряными молниями летят стрелы, она не видит. Или же? Чем она думает сейчас там в эти предстартовые минуты? Впрочем, слово «думает» вряд ли подходит. Мысли, слова, словосочетания: полетит ли не в мишень?

Но вот она вынимает из кобачка стрелу (первую, ту самую, которую запомнил), ставляет ее в гнездо ствольника. Сейчас он владеет только одним ощущением — знакомым, испытанным не однажды и тем не менее каждый раз волнующие по-новому. Теперь она все во власти тонкого выведения на траекторию расчета.

Левой рукой, на которую боевой булгарский нарукавник, надева кожаная крага, чтобы твита не была по руке, она медленно поднимает руку и удерживает ее в мишенях. Правая в этот самый момент мягко оттягивает назад тетиву, приводя ее к самому кобачку носа (я спросил у шутку у Эммы: а не боится ли она выстрела своей рукой?). «Что же, улыбка она...» — спорт, как и искусство, видимо, требует жертв. — И уже серьезно: — Иные промахиваются». Так же, как и в стрельбе, Эмма выводит тетиву еще чуть дальше отводит тетиву, складывает губы трубочкой, словно хочешь поцеловать ее перед тем, как пошлет стрелу в цель, и, услышав легкое «чирканье» — металлической пластинки, придерживающей стрелу, — расслабляет кисть правой руки и стоит неподвижно несколько мгновений, как палящая индийская Миннегоса, пока отряхивает фю-но-ти и слышится звук открываемой бутылки шампанского. За здоровье или за упокой?

Этот виден и так, без бинокля, но она подносит его к глазам, чтобы убедиться, как красиво и изящно, почти в центр золотистого кружка влетела стрела. Десять! Удивное нечто, ничего не скажешь. Значит, полетели!

И сразу же, пока горит зеленый газ светогора (такого же, как на лыжных соревнованиях), она отсчитывает те 150 секунд, которые даются на одну серию. Зеленый свет ровно две минуты, затем загорается желтый и, наконец, красный — бедней, истело, покаяние, истело это ощущение точности и уверенности себе, она берет вторую стрелу, и все повторяется сначала: левая рука с луком идет вверх, правая с тетивой — бедней, истело, покаяние, истело это ощущение точности и уверенности себе, струны, губы целуются, и по сигналу кликера кисть расслабляется, посылая вторую стрелу вслед за первой.

За, конечно же, это упражнение. Красное зеленое поле, красный луковик, красиво, когда серебристые молнии мелькают над травой. Но чем дальше я смотрю на эту красоту, тем больше убеждаюсь, что стрелы падают дважды, трижды, а минут пять. А ведь соревнования длится несколько часов подряд. И вслед за первыми

ми стрелами выпускаются десятая, двадцатая, пятидесятая, семидесятая стрелы!

Я жду Эмму после соревнований, и сразу убеждаюсь, что все это удивительно, потому что Эмма должна обладать адским терпением, чтобы вот так в течение почти целого рабочего дня повторять один и те же, жесткие изгибы и тонкие, но неоднородные, сочетания, что ко-кто из группы спортсменов, приближающихся к крошечной пуле, думает точно так же. Но, когда они подходят ближе, когда в воздухе уже слышны звуки переправ. Они еще возбуждены, глаза радостно блестят, а если и чувствую, что они устали (усилие, жесткие изгибы, тонкие, равно шестидесяти, надуть кинопленку, равно шестидесяти, на 72, и вы получите цифру, которую подтверждает сам Василий Алексеев), то усталость эта приятная, хорошая — усталость, которую испытывает человек, созидая, что он делает нужное и полезное. Иди. И никакого недовольства, никаких сетований на свою судьбу. Или это там, на поле, когда вы находитесь странным... а разве еще живут только... — Я слышу, как она смеется, и я со своим скепсисом и сомнениями, со своими скучными мыслями для них чужой, как мажорский.

Что это? Блесны! Фанатизм! Почему это утомительное занятие доставляет им удовольствие?

— За что вы любите лук, Эмма?

— За что люблю? — Даже сам вопрос ей кажется странным... а разве можно любить за что-то? Разве, когда любишь, отдаешь себе до конца отчет? Люблю, и все.

— Но все-таки ведь ваша любовь длится уже столько лет, и вы, вероятно, чувствуете, что это... —

— Уж если раскрывать эту любовь по полочкам, их наберется довольно много. Во-первых, за красоту лука. Когда я только в первый раз увидел лук, он мне особенно сильно страшно понравился. А когда попал на соревнования, когда увидела поле с разноцветными мишенями, была еще больше очарована. Я вообще люблю лук, особенно естественную. Природу люблю, лес, море, зверюшек всяких. После лука для меня самое первое — это туризм. Я ведь и к нему же инструктор по туризму. Поэтому и тренируюсь люблю где-нибудь на берегу моря или еще лучше — в лесу.

Эмма делает небольшое паузу, словно собираясь с мыслями, и продолжает:

— Итак, во-первых, за красоту. Во-вторых, за древность. Вы подумайте, сколько веков назад наши предки изобрели лук и стрелы! И сколько веков это продолжается! И вот сейчас, когда я беру в руки лук, мы оба ощущая эту связь времен. Пусть наши луки не похожи на древние, пусть они сделаны из самых современных материалов, усовершенствованы, модернизированы, эта связь все равно существует! Да вот простой пример: когда сорок с лишним лет назад создавался Международный федерации лука, то существовали различные виды спорта изучали различные приемы стрельбы из лука, они остановились на технике индийско-ромской. И мы сейчас стреляем точно так же, как они. Заработало, правда ли? И, наконец, в-третьих, люблю лук за ту мысленную радость, которую он доставляет. В наш век техники, всевозможных механизмов приятно вернуться к естественному, почувствовать силу в руках, приятно пользоваться таким простым оружием, как лук и стрелы.

Я даюсь, убеждаю Эмму, что мой скепсис испарился как дым и закрыл с собой все небо. Но Эмма, к счастью, не лукавит, не оказывается, аргументы ее не исчерпаны.

— Стрельба из лука, на мой взгляд, как никакой другой вид спорта гармонично развивает человека. И это несмотря на довольно большие нагрузки. Лук, пожалуй, единственный вид спорта, кроме, может быть, фигурного катания, в котором не противопоставлен жесткой фигуре.

Доказательств у Эммы я не спрашиваю. Они передо мной: Эмма грациозна, тонка, ее фигура безукоризненна.

— А закончить эту «Дура стрельбу из лука», — продолжает Эмма, — можно вот чем: этому виду спорта, как и любому виду спорта, нужны друзья. И только друзья. В первую очередь — это «пенсия» и т. д. А у нас Ванда Станиславовна Колчанская выступала на чемпионате страны, когда ей было уже за шестидесть. А я впервые взяла лук в двадцать пять.

А в американской мужской команде — они чемпионы мира — был стрелок, которому пятнадцать. Видишь, как анализирует?

Голос у Эммы тихий, спокойный. Говорю она уверенно, чувствуете в ней большую внутреннюю убежденность. — И хотя я уже достаточно понастреляла, но в кинематографическом виде спорта, все же продолжаю цепляться за свое предубеждение:

— Но ведь чрезвычайно утомительно, если ни на что, то на стрельбу. Несколько часов на одном месте. Как настроится на такую длительную борьбу?

— Случайно? И не замечаешь, как вышло усталое. Только потом, когда ты выплываешь, поспешая, чувствуешь голод и голод. А когда стреляешь, не думаешь ни о чем. Точнее, думаешь о себе. Я стараюсь стрелять точно, красиво выглядит, красиво двигаются руки и кисти. Это называется «работать на публику», но в большинстве наших соревнований публики почти не бывает — это внутристрельное отношение, помогающее точнее стрелять.

— Как вы выражаете «настроиться на борьбу», то вот на «борьбу» я обычно не настроиваюсь. Я не думаю о том, что мне надо стараться стрелять хорошо. Именно на это и настроиваюсь.

— А как?

— У меня свой метод: перед соревнованиями люблю уехать куда-нибудь одна, побродить по лесу, по полю, как говорится, наедине с природой. Однанди даже вместе тренировоч отравилась на Кармелта, провела в турпоходе почти двадцать дней. И в этот период постоянно новоньяк я выступала хорошо и попала в сборную страны.

— А ваш тренер одобряет такой метод подготовки?

— Да, хотя и спорит иногда. Да, но спорит не столько со мной, сколько со мной. Да, он разный. Эмма Галченко, тугонеточная к природе, любящая природу, и Михаил Зайцев, лучше всего владеющий техникой, постоянно что-то изобретаетый, придумывающий (однажды он сам сделал лук, который, как потом выяснилось, ни в чем не уступал фирменному). Да, он разный, непохожие. Но, как знать, были бы мы знакомы с чемпионкой мира Эммой Галченко, если бы в свое время неожиданно для всех не решил стать тренером стрелков-любителей Михаил Зайцев.

Если вы интересуетесь спортом, то, безусловно, слышали о нем. Нет, не в связи со стрельбой из лука. Это, как говорится, «из другой оперы. Михаил Зайцев — 14-кратный чемпион страны в гонимом виде спорта — олимпийский участник финалов чемпионатов мира, заслуженный мастер спорта.

— Как случилось, что он вдруг оказался тренером по стрельбе из лука воспитанника пятнадцати мастеров

спорта, из них двух международных классов, тренером чемпионы мира?

Зайцев вошел в спорт как велосипедист-трековик. Потом пересел на мотоцикл, стал ведущим в гонках за рубежом. Они были прекрасной парой — высочайший летательный аппарат Зайцев и маленькая, гибкая Юра Смирнов, махавшая за его широкой спиной, словно привезли. Шестнадцать раз побывал в чемпионках разных стран, но оспаривал никаких шансов у соперников.

В 1960 году, разбившись на трассе трагически погиб Юра Смирнов. Зайцев, также переживший гибель друга, решил бросить велосипед, гонки и, чтобы хоть как-то забыться, начал заниматься стрельбой из лука. Тогда это были отходы, отвлечение от мировых чемпионатов.

Затем снова он вернулся на трассе, еще совсем раз с другими партнерами (недаром ведь его прозвали «королем лидеров») выигрывал чемпионаты мира, Европы, Азии и т. д. Стал совмещать оба вида спорта. И трудно сказать, какова же была спортивная «профессия» Зайцева — в прошлом году он в 14-й раз завоевал высочайший мировой чемпионат, а его ученица стала чемпионкой мира по стрельбе из лука.

— Я не представляю себе другого тренера, — говорит Эмма. — Зайцев не только чемпион, но и человек, умеющий довести до совершенства материальную часть (она так и говорит «материальная часть»), а меня каждый раз поражает это канцелярское выражение: «материальная часть». Уменьшая довести до совершенства материальную часть (она так и говорит «материальная часть»), а меня каждый раз поражает это канцелярское выражение: «материальная часть».

— И тем не менее часто спорите с ним? — Спору, но когда убеждаюсь, что он прав, верю еще больше.

— Почти каждый день они приходят на тренировку, выходя на линию отбоя тренировочное поле. Пуленю около набережной Москвы-реки. Михаил какое-то время колудет над луком, потом подает его Эмме.

— Вот, полюбуйся. По-любому, с этим прибором лучше будет лучше.

— Ты уверен?

— Полюбуйся, если не понравится, продадим еще что-нибудь.

Эмма берет лук, выходит на линию дистанции на свое луковье 70-метровую дистанцию («Стреляет она лучше с кемидатки», но вот любит почему-то стрелять), — говорит Зайцев, выпустив небольшую стрелу.

— Летят, улыбаются, она, вида, как точно в районе «восемькми» «двухкми» ложится стрела. — Все в порядке!

В порядке, в порядке, — повторяет Зайцев. — Но тут еще кое-что надо сделать. Я уже обмозговал, Завтра займемся.

Завтра будет новый день — восьмое июля. Встретимся в три часа. Сидим, как вчера, как сегодня, дни будут пробовать, искать, находить, отбрасывать найденное, чтобы найти что-то новое. Но одна вещь должна устояться: как в виду, ни одна деталь сама незначительная деталь — ведь идет подготовка не просто к соревнованиям, а к первой Олимпиаде, в которой будет участвовать СССР.

Когда я прощаюсь с Галченко и Зайцевым после очередного тренировочного дня, у меня на языке вертится традиционный вопрос о том, как чемпионство можно было бы уступить в Мюнхене. Но я не стал задавать его — ведь Эмма не думает о соперниках, о предстоящей стрельбе.

ДЕВЯТЫЙ

не, это даже не лень, а, скорее, инерция мышления: мы привыкли думать так, а кто-то — иначе. И нам не приходится понять этого «кто-то» — мы идем по подгоним его мысли под наш. А время уходит...»

— Кинь-на мне руководство, — сказал он. — По-смотрию, постою...»

«Не надо, — заартачился Виктор. — Я лучше сам разберусь.»

Стас нарочно поддразнил Виктора, и тот, конечно, хлопнул: схватил руководство, вместе справляясь в портфель.

«Жестко все-таки знаю! — подумал Стас. — И характер твоё знаю и то, что разберешься ты в этой системе, наверняка разберешься, тоже знаю.»

Они начинали вместе еще в школе, далеко от Академгородка, потом их пути разошлись: Виктор ушел по Фрунзе, а Стас — в Томском политехническом. И вот теперь снова встретились в одном городе, в одном институте, в одной группе.

— Давай, давай, — сказал Стас, — разбирайся, а я посмотрю мне в город куплю.

— Забыл совсем, — хлопнул себя по лбу Виктор. — Ты же у нас теперь звезда телеэкрана. Когда смотреть прикажете?

— В последнюю...»

Стас не хотел касаться этой темы, он весь день старается уйти от нее, испытывая вполне естественное смущение перед ребятами: работали вместе, а выступать — ему. Новосибирское телевидение рассказывало сегодня об институте, и Стасу предстояло сыграть совсем уж неземную ему роль комментатора. Он готовился, долго сочинял текст, корректировал его у директора. Учить текст не пришлось: читал по бумажке на здоровье, все равно на зрителя — кадры, снятые в институте. Но не в кино: получалось, надеясь, что по нему этого не видно. Вот и сейчас нарочито спокойно идишь, одолевая портфель.

— До завтра, ребята! — но в дверях столкнулся с бортовой физиком из соседнего отдела.

— Ты кто мне не жек, — заорал физик. — Хорошего парня, хочешь, дам?

— Кто умеет? — хвалился физик. — На все руки мастер.

— Студент, кто ли?

— Он самый. Берешь?

— А что это ты таким добрым стал?

— Я не добрый, а честный и благородный. Ему сейчас делать нечего: временный простой. А практика идет.

— Ну, присядь! — согласился Стас. — С ним Волода Никулин потолкует. А я побоялся...

Физик ошалево посмотрел на девчонку.

— Куда это он с такой скоростью! — и вдруг вспомнил: — Уж не на телевидение ли? Так чего же он удрал! До передачи — полдня.

Никулин поднялся во все свой двухметровый рост (переворачивая, между прочим, высоту институтской баскетбольной команды), сказал, улыбаясь:

— Чего удрал! А чтобы ты вопрос не задавал. Они у тебя в этой ситуации все лишнее. — Потом поволаки и дождь. — Как и у нас...

Позже Виктор спросил у него:

— Зачем парня обидел! Он же ушел...

— Во-первых, он не обиделся, — терпеливо разъяснил Никулин. — Во-вторых, я тоже шутил. Ну, а в-третьих, зачем Стасу травить реальные яремни: он по телевизору не каждый день выступает. Волнуется, небось. Вот посмотрим сегодня, а завтра и обдумай и пошутим. И он с нами.

Часто говоря, Стас повелоз с группой ребят. Встретившись с одним из ребят и в отношениях друг с другом. Все было, все есть и взаимные насмешки, и обиды, и сороры порою. А вот вражды не было. Подчеркнутой вежливости, когда собеседника еще терпели, тоже не было.

И ребет и его, Стаса. И он гордился этим больше, чем даже производственными успехами группы.

Он еле успел в университет, распределению, поговорил с парнями с математического, потом минут сорок трясся в до отказа набитом автобусе (весь Академгородок в Новосибирск двинулся к лифту), собрался по дороге:

«Наши магнитные дисководы, это уникальные импортеры. Их — единственные секторы на одной дорожке. Если одну дорожку нашего диска разбить на те же девяносто секторов, останется двадцать лишнее. Вот на них-то и надо писать адресное слово. Двадцать секторов пройти на это время нуноно. Вполне можно успеть перейти с режима считывания на режим записи. И дополнительное «железо» не понадобится...»

«Додумать до конца он не успел (Конечная оставалась не додумать, не покаялся) — но горючая записка идила, теперь дело бояться перестанет, тронется с места.

В обхоке не задерживался. Отметился у худенькой девчонки в солидных очках, на традиционных «Красных» ботгах по коридору, иваа знакомым: «Здрасьте, здрасьте, как жизнь! Идет помаленьку:» Вот так: бежал куда-то, с кем-то разговаривал, словно бы минимально покаялся.

А думал о другом, о выходящей из головы идее. И она уже не давала ему покоя, была назойливой — разреши попробуй! Он подступал к ней то с этого, то с того бока, но она все вытарапливал. Он не отчаявался, знал: идет дальнейшее развитие, ядру, выносаю, бог знает какими фантастическими путями мышления. Пусть это объясняют психологи — их работа. А его — магнитные диски...

Он възглянул на часы: надо топоропиться, до передачи осталось минут.

А в Академгородке, в опустевшем институте Волода Никулин включил телевизор, новость как и когда похвалил в лаборатории. Сначала он терпеливо смотрел длинную передачу, а потом, когда начался сюжет, в который было много моря, много рыбы и много кораблей... Потом переждал минуту-другую, опущенную на заставку «Наука и технический прогресс», и, наконец, устал на экране институтской аудитории, длинные коридоры, анкетные панели ЭВМ, лабораторию группы «2-5», узнал и голос Стаса за кадром, рассказывающего о том, что сделано группой за год.

Стас говорил сухо, кратко сбивными фразами технического отчета: «...создаем модель ивизиона — вычислительных машинных комплексов, которые обеспечивают предельно высокую и простую связь экспериментатора с вычислительной машиной и экспериментом, и там, где это не идет в ущерб гибкости, берут на себя функцию самого экспериментатора.»

На экран экспериментатор вложил фотонагенно-осциллограмму на кассету сканирующего автомата, ввел в машину перфоленту с программой, вступил на телеэкран, уложил в ящик. Вот он уже закончил задание! Вероятно, отследить осциллограмму, высчитать зависимость от нее функции, показать их на специальном экране.

Стас по-прежнему комментировал телекадры, и Стасу не хотелось комментировать, что поворот комментатора, иногда даже опережая Стаса. Поймав и не удивился: это была их машина, их работы, и каждый из них знал ее протолкнул. И рассказывал о ней, наверно, смог бы не хуже Стаса. А почему же все же комментировал Стас? Как это же: он руководитель, ему и положено. Так сказать, по праву первого. Никулин задумался: а ведь и в самом деле Стас — первый. И начинал дело первым как комсомольский вождь. И сейчас же вступил в ряды вождя. Вот он уже совсем вошел в роль телеэкрана, волнения ни капельки, даже увеличение появилось, азарт как-то — молодчина, Стас!

А Стас потом корил себя за этот азарт: не выдержал заранее придуманного стиля — холодный комментарий, никаких эмоций! — сорвался, завтра ребята начнут атаку: «Тебе бы Отелло играть. Страстен-то сколько!» А страстен не так уж и было, можно, как раз в этот момент.

Вот он уже совсем вошел в роль телеэкрана, волнения ни капельки, даже увеличение появилось, азарт как-то — молодчина, Стас!

А Стас потом корил себя за этот азарт: не выдержал заранее придуманного стиля — холодный комментарий, никаких эмоций! — сорвался, завтра ребята начнут атаку: «Тебе бы Отелло играть. Страстен-то сколько!» А страстен не так уж и было, можно, как раз в этот момент.

Вот он уже совсем вошел в роль телеэкрана, волнения ни капельки, даже увеличение появилось, азарт как-то — молодчина, Стас!

А Стас потом корил себя за этот азарт: не выдержал заранее придуманного стиля — холодный комментарий, никаких эмоций! — сорвался, завтра ребята начнут атаку: «Тебе бы Отелло играть. Страстен-то сколько!» А страстен не так уж и было, можно, как раз в этот момент.

Вот он уже совсем вошел в роль телеэкрана, волнения ни капельки, даже увеличение появилось, азарт как-то — молодчина, Стас!

А Стас потом корил себя за этот азарт: не выдержал заранее придуманного стиля — холодный комментарий, никаких эмоций! — сорвался, завтра ребята начнут атаку: «Тебе бы Отелло играть. Страстен-то сколько!» А страстен не так уж и было, можно, как раз в этот момент.

Вот он уже совсем вошел в роль телеэкрана, волнения ни капельки, даже увеличение появилось, азарт как-то — молодчина, Стас!

А Стас потом корил себя за этот азарт: не выдержал заранее придуманного стиля — холодный комментарий, никаких эмоций! — сорвался, завтра ребята начнут атаку: «Тебе бы Отелло играть. Страстен-то сколько!» А страстен не так уж и было, можно, как раз в этот момент.

Вот он уже совсем вошел в роль телеэкрана, волнения ни капельки, даже увеличение появилось, азарт как-то — молодчина, Стас!

А Стас потом корил себя за этот азарт: не выдержал заранее придуманного стиля — холодный комментарий, никаких эмоций! — сорвался, завтра ребята начнут атаку: «Тебе бы Отелло играть. Страстен-то сколько!» А страстен не так уж и было, можно, как раз в этот момент.

Вот он уже совсем вошел в роль телеэкрана, волнения ни капельки, даже увеличение появилось, азарт как-то — молодчина, Стас!

А Стас потом корил себя за этот азарт: не выдержал заранее придуманного стиля — холодный комментарий, никаких эмоций! — сорвался, завтра ребята начнут атаку: «Тебе бы Отелло играть. Страстен-то сколько!» А страстен не так уж и было, можно, как раз в этот момент.

Вот он уже совсем вошел в роль телеэкрана, волнения ни капельки, даже увеличение появилось, азарт как-то — молодчина, Стас!

ЧИТАТЕЛЬ: ЧЕЛОВЕК

Юмор,

«СМЕНА» № 2, 1972

Дорогая редакция!
Пишут уже войны-прибыльщики. Очень уж полюбилась наша страна — мировая. У нас в роте представили себя национальностью Советского Союза. Приходя с боевого действия, ребята спрашивают: нет ли свежих номеров «Смены», и, если он есть, с шумом набрасываются на первую попавшуюся открытую последнюю страницу.
Позвольте выразить глубокую признательность людям, делающим нам в нелегком труде веселые минуты. Желаем творческих удач и новых блестящих достижений.
С глубоким уважением
секретарь комсомольской организации младший старшина СЯВНО

Уважаемая редакция!
Я лично очень люблю юмор. Но в Вашем № 2 от 14.07.72 года, в статье «Юмор и ничего не понял из рисунка О. Теслера. Момент быть в тупой в вопросе юмора, но мы всей семьей гадали и не пришли к общему мнению.
Различные, помалутка, рисунки. Когда я ниги

в общинности, будучи студентом, то у нас был заведен порядок: тек, кто не понимает шуток, живи лопочкой по лбу.»
Н. РАДЗЕВСКИЙ, г. Владивосток

Уважаемый Олег Теслер!
Мне 19 лет, учусь в военном училище и занимаюсь рисованием. Знаю рисунки для меня — прекрасные уроки. Одним или несколькими штрихами Вы умеете придать теме веселое, остроумное звучание.
З. АКУТОВ, г. Зигельс Дормане.

Уважаемый Олег!
Ваш рисунок очень мне нравится по технике исполнения (и всегда здорово подражаю Вам) и по оригинальности.

Мне 24 года, люблю шестой год в школе учителем рисования и черчения. Занимаюсь графической работой.
Б. КОРОЛЕВ, г. Новомосковский РЕД. Всякий знает, что юмор — дело серьезное, и много чуждым и неуместным. Призванием мое со всей серьезностью, присущей любому возрасту и любой профессии. Провладевание искусством видеть субъективное, однако и юмору отношение повешено-субъективное. Вот и читаю, и пишу, судя даже по этой подборке писем, редко по-разному относятся и странице «Смены», отдавая «Юмор» своим рисункам. Не поправляюсь, что рисунки наших карикатуристов заставили его думать и домысливать. Правильно ли, что юмористы

заставляют думать читателя? Пусть другие отвечают! Исходя из моего мнения, автор О. Теслер, В. Песков, В. Иванов — лауреаты многих международных конкурсов карикатуры и юмора, очевидно, не юмористы.

И если человек чувствует себя абреком компетентно обученный преподавание, скажем, классической музыки, но кандидат считает необходимым безделье, самоуверенно, потому что кто не признается, что ему самому природа отдала в чужесте юмористический талант?

И все-таки юмор как жанр искусства отвечает своим требованиям. Юмористический рисунок, но, как любой жанр, имеет и свои, специфические качества.

Юмористический рисунок, но, как любой жанр, имеет и свои, специфические качества. Юмористический рисунок, но, как любой жанр, имеет и свои, специфические качества.

Юмор — это искусство, которое требует от человека умения видеть юмор в жизни. Юмор — это искусство, которое требует от человека умения видеть юмор в жизни. Юмор — это искусство, которое требует от человека умения видеть юмор в жизни.



Василий АКСЕНОВ
Рассказ иронический, с преувеличениями

МИЛЛИОН РАЗДЫК

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА



ить и видеть, — бубнил себе под нос Эдуард Толпéчнн, шаг за шагом, по-стариковски — руки за спину — поднимаясь в гору горбатой улочкой среди сугробов, стараясь потверже поставить ногу в ботинке, покоем на крепкий, надежный автомобиль.

— Жить и видеть! — гаркнул он вдруг неожиданно для себя и огляделся с вызовом, словно кто-то убеждал его не жить и не видеть, словно фраза эта, этот девиз были для него итогом какого-то давнего спора. На самом деле не было никакого спора, не было никакого вызова и никакой проблемы — слова эти топтались во рту без всякого смысла, и были они разной длины оттого, что один шаг по обледенелой ступеньке был короткий, а другой — чуть подлиннее.

Нашелся, видите ли, философ! Простыженный Толпéчнн сунул в рот сигарету, черкнул зажигалкой. Никто его, к счастью, не слышал. За витыми решетками заборов, за сугробами не видно было ни души. Он двинулся дальше, и рот его, занятый теперь виргинской вонючкой, уже ничего не бормотал, и в голове все так же медленно, неуловимо поворачивались фанерные шестеренки: «жить и видеть», «жить и видеть»...

Шапки молочного снега лежали на коньках крыш, на козырьках калиток. Святой Августин у ближайшего крохотного фонтанчика украсился странноватой тиарой, ветви сливовых деревьев под тяжестью снега перегнулись через заборы, образовав над тропинкой-лесенкой сентиментальные доистественные полуарки. И никого не было на этой крутой, вдувающей к замку принца Альбрехта улочке, и не слышно было ни звука, даже непонятно было, кто же чистил столь аккуратную тропинку среди сугробов, и уже совсем нельзя было представить, что недалеко внизу по Кениг-штрассе, разбрызгивая коричневую снеготрясу, катят бесконечные «фольксвагены», «спирренсы» и «фиааты».

Вперед заскрипели пельки, и, отодвинув чужиную калитку белой лодки, на трюмную вышел и встал лицом к чужеземцу выходящей себнерпан. Пес, полагая, был по грудь ровному Толпечча, а голова его, рыже-белая меховая голова, пожалуй, была вдвое больше средней человеческой головы, а глаза по размеру приближались к лошадиным. Глаза, поужасавшись, Пес сразу же отшел от морды пешехода с серьезным, вздувающимся любопытством умного подростка.

— Гугат га! — растерянно пробормотал Толпечча.

Суртвал был неуклюж, ретируется гуло, он остановился в двух шагах от пса и приподнял кепку.

— Э-ээ, Толпечча! Возможно, видели меня на экране телевизора? Пес посторонился, чтобы дать ему пройти, немного даже лег боком на субот. Толпечча хотел было его поглядить, но подумал, что это гуло. Все равно что поглядить корректного господина на Кенинг-штрассе. Он прошел вперед и, сделав шагов двадцать, оглянулся. Пел, глядя ему вслед, Пес снова пошел по своему маршруту. Толпечча пошевелил плечами: «Хорошо бы иметь в приемных залах многого слепца с сильно развитым спасательным инстинктом».

После очередного кругового завитка уличка вдруг кончилась, замес утонул тропе! Шаги были за каким-то смежным коридором. Но зато перед глазами инородцы открылись огромные, открытый солнцу и опселяющийся Тироля, цель вершин и резкие тени, выпуклости глетчеров, а ниже оранживые палы деревьев, а еще ниже изгибы дорог, и нити ропзуга з яркими букашками кабин, и шехи слономных трасс, в совсем vicino прямо под ногами выплывающее из снней тьмы барокко старого Брунны.

— Жить и видеть! — подавая Толпечча. — Жить всем телом! Лететь всем телом! Боятся всем телом! Любить всем телом! И видеть каждой порой всеэ засыпанный чистым снегом мир со всеми его скатами для разгона, со всем его голубоватым небом для полетов и видеть ее, ту женщину, где бы она ни была, напряженно и инстинктивно. Жить, бороться с тоской, всем, всем, всем! Боятся тоске, потому что а никто бы той женщины, без нее а даже не летуна.

Толпечча вспомнил мажину «Инуарики» на улице Горького. Там в закупке был когда-то каретерий, шумная, бесплодная тачка нарпита, где тебе наступают на ноги и норовят обидеть, а тебе надо ступить и встать, если увидишь беспомощного и плачущего, и смотреть на уличку, где в тени шароватые троллейбусы. Это ее трол, он знал безубоночно. И точно: шароватого ее трол раскрывал свое нутро, и она выпрыгивала, она выходила из тени на солнечный перекресток и шла к «Инуарики» своей походкой примидонки. Ему показалось, что она идет с закрытыми глазами, без единой мысли под оренка жала и пухомом и светлым волос. В — блаженном — безмыслии — на — свидание — для — любви.

Толпечча тогда тоже закрил глаза, и по его плечевому позсу прошел толк слабого напряжения, а вскоре он почувствовал, как ее пальцы прикоснулись к его заднице.

— Это старожил, в бульон — сдавлено пробормотал он.

— Что такое вы придумали! — прохладней ее смеял.

— Я был в вас — Толпечча повернулся и протянул ей шапку и надкусанный сырочок.

— Я забыл, а индородного дня не ела, проговорила она, опуская лицо к чухе и окружая глаза.

Тяжелые мраморные львы лежали на крыше казино Мар-дель-Оро. Длинный ряд львов в одинаковых царственных позах со львами глазами, усатые улыбки в окаян, и с тяжелыми лицами, будто бы выплывшими самой рекой.

Алиса стояла на набережной и смотрела на львов, запрокинув голову. Они вызвали в ней гулоу раздражение и не очень понятную досаду. Они были не на месте здесь, в легкомыслием, одурчающем от марья, пахаты и от легкотельности в Мар-дель-Оро. Там все время южноамериканского казино курортного казино. Да и само это здание с его монументальностью, с его дерзкой угрозой мало напоминало курортные казино, где шла дурная мелкая игра, где никогда не совершалась драматические события, а просто выгребались мелочишка из карманов гулки.

Должно быть, это неответствие и раздражало Алису, но прежде, проезжая мимо казино на концерт, она никогда не вглядывалась в сумрачное гуло-угрожающее здание, а просто скользя по нему взглядом, и почувствовала милое тотоу, чушь которой назимала на педаль акселератора. Сегодня у нее был первый свободный день, а за время южноамериканского турбулентности у Алисы оставалось совсем немного, проснулась с мыслью о нем и вновь задражала уже с ним в утренней тяжести, наполненной его присутствием. Присутствие его в конце концов стало настолько острым, что она почувствовала окончательно со счастливым смехом и тут наконец поняла, что у нее с ней нет; она одна на влажной тропке, а он в воздухе, летит, раскрыв руки, в трескучем небу.

За завтрак она просмотрела стюлнину большую газету и нашла в ее надписи свой портретик и несколько строк от том, что гастролирующая сейчас в стране Алиса Крылова привлечает публику Мар-дель-Оро своей изысканной кавальерой с глубоким проникновением в музыку Ренессанса. Почему-то эта стандартная выскоперность раздражала ее, и она вышла из отеля в дурном настроении.

Она ждала выходного дня с нетерпением и собиралась на своем прокатном мотоцикле выехать из южной долины, чтобы по дороге пахать и изгородить автомобильные утаты куда-нибудь на далеком побережье, но в итоге она осталась в долине и ждала выходного только в Отоино. Однако она прошла мимо паркинга и оказалась на набережной перед зданием казино в густой толпе почти голых людей.

Она заснула палцы, даiosa поглядя динисов и пошла по набережной с независимыми дами, кося поглядывая вверх на гнивящих стражей имперского лапестика.

Что же это? Все вокруг в это утро утнуло его — и веселые голыши за столиками бесконечных кафе, и рекламные бутылки аперитивов, болтающиеся в море за полосой прибрея, и болносенные отели вдоль набережной... И тут еще вдруг нахлынул шквал рок-н-ролла, и появилась шестерка цирковых лошадей, несущих в судачах коровью золоченую карету, на крышке которой дергалась девица в «кибинки».

Толпа взредела, узнав любимую свою, этот символ наслаждения, триумф жизни, ля бомбу сексуале, ирамичную телементу. Вперед кареты и по бокам даягались ошестившиеся оптикой гуловички, а сзади нависал операторский рик, а голые ступни оператора дергалась, словно в припадке.

Девица в экстазе взодела к небу курт с флакончиками лосона «Мария Стюарт и Корея «Биоталов».

И вот они проехали, и вдруг наступила тишина, процессия словно подумала набережную, всех утнула за собой, даже инвалидов в колясках, а на полста асфальте глард Алисы оказался один лишь старчок с шарманкой и поугаме, немислимым призрак прошлого его.

— Тачны вахей жизни. Мистеры. Маги. Фатам. — беззаботно бормотал замаскившим губами неудачливым конкстадор юно славянского происхождения.

— Сенюриот, перфавор! — просржектал, взоромоща перышки на лысющей голове, его старый друг, неудачник того рода.

Алиса протянула старичку песо, и тот, впервые растерявшись от нежданного везуши, спросил профессиональным тоном:

— Сенюриот аргентино, нортамерикано, аллемано?

— Руссо! — смеясь в Алиса.

— Руссо! — В левом глазу старичка замелась далекий керосиновый огонек. — Шпереламм, паки, возможем complication, Алио! — заскричал он поугаме, словно тот был тутоват на уюо. — Сенюриот руссо! Ты слышишь меня? Руссо, руссо!

— Сенюриот, руссо! — с удовольствием проскрипел поугаме. Запрыгал вдоль ящичка с билетиками, клонуя, вытаскивал розовый билетик и, оттопирив отпустился, повернулся к Алисе, Она заревнула билетик и с удивлением прочла:

— Как а жизни буаут злые силы
Утнаты, душою твоей,
И нест а тебе придет друг твой милый,
Обреет пылю и лооби.

— Фантастика! — воскликнула вселю Алиса. — Нет, это просто потражаоще и как на Тиниском рынке после вояжирования.

Он взял билетик в ладонь, даже запылава, протянула старичку еще песо и тут заметил, что он плачет.

— Умный фогель, — бормотал старичок, засовывая палец под крыло поугаме. — Старый агю, Брависсимо, Алио!

Ничто, подобное музыке — неизбывная жалость к старичку, к старой, дышесейке. Она задражала шаг, а даже как бы срисовалась за фонарем. Толпечча вынул из кармана часы, посмотрел на них, потом спросил, который час у прожогое, подкрутил свой брегет, нервно погнал цепочку, рванул, повал, чертыхнулся, сиуил в карман, сделал было шаг в сторону, но остался...

Он вспомнил, как шла в тех сумерках из нотного магазина и увидела Толпечча на опсованном месте воле шалышчной.

Великий спортсмен и летучий человек явно нервничал, томился, заглядывая в окно, за которым беззаботно прирвали такие же, как он, великие спортсмены. Она задражала шаг, а даже как бы срисовалась за фонарем. Толпечча вынул из кармана часы, посмотрел на них, потом спросил, который час у прожогое, подкрутил свой брегет, нервно погнал цепочку, рванул, повал, чертыхнулся, сиуил в карман, сделал было шаг в сторону, но остался...

— Это было второе их свидание, и он еще не знал, какая она — «в порядки или не очень. Она смотрела на него издали равнодушно, тоже что-то взвешивало, словно первого безумного свидания у них и не было. Не повернуть ли назад к Консерваторий Подумаше, красноречий верзла, мало ли такти? Считаю до десяти. Если он почувствует мой взгляд, тогда... Он почувствовал ее взгляд на сие, всосавшись сразу погубил в себя срам сомнения, а она вдруг почувствовала, как на горле под подбородком и все возник элекстрический очажок и струйка от него пополазла вниз, между ключицами, но совершенно, к животу.

— Я думаю, что вы не придешь, — пробормотал он.

И в был рад! — лукаво засмеялась она.

В Исландию он попал впервые, и здесь его поразило то, что всех иноземцев поражает и пленяет в Исландии: близость природы, близость сокрушительных, необуданных сил. В Рейкьявике почти с любовью места вы видите окаян, холодный и грозный, или горы, пусты, отчужденные, ничем как бы не связанные с людьми.

Толпечча шел по улице и связок густой снегопад видел эти горы и туманную массу гудящего океана, а в конце улицы возвышался серый борт парохода, маячили желтая грузовая стrela и парень в ярко-красном анораке под фонарем. Толпечча шел, свесив голову, и сразу погубил в себя срам сомнения, а она вдруг почувствовала, как на горле под подбородком и все возник элекстрический очажок и струйка от него пополазла вниз, между ключицами, но совершенно, к животу.

Снежная прильби, как всегда, вселюла Толпечча, снежного человека, он знал, что снег не помешает его полетам, со снегом он был в своих окаян и чухах. — Халло, чреватый мой мистер Дие! — сказала американка. — у тебе счастливого нона. То всегда представляла перед ним в снегу, и это были счастливые снеги. После снега во сие он твердо знал, что наутро все следится.

В година на почтатме Рейкьявика он получил письмо от Алисы, длинный конверт прилетешный из южного полушария, и в нем розовый билетик с какими-то смешными базарными стишками и профилем поугаме, нарисованный ее рукой. «Я купуюся, а моряра, это не слезы, а морская вода», — наваряно было вокруг чернильного пятнышка Морая Алиса, волосы закручены в кучки на завялке, худая шея лобовой, а на лице, торчащие ключицы. Острие — поднато, капля на коже — сон, смея, купание, происхождение мечты...

В маленьком, уютном холле гостиницы возле камнина под уварью, приплывшая в наше время из исландских скал, Толпечча ждал три корреспондента спортивных жала: американца, немца и датчанина.

— Халло, чреватый мой мистер Дие! — сказала американка. — у тебе счастливого нона. Должно быть, собираешься завтра сигануть дальше вверх?

Толпечча впервые видел эту американку, в костюме «Дальний Запад» с длинными палтвыи ниже плеча. Впрочем, он уже привык, что завидные журналисты разговаривают со спортсменами запырабара, такого традиция, и ничего тут не переделывай.

Он сел в кресло и принял из рук портые чухае горьчого чаю.

— Я в отличной форме, сэр, — сказала он американке.

Тя сделала парерою заворную в блонокте и, прищурившись, устлавшая на Толпечча, словно первая, ней сговоря лоща.

— Как тебе пошло имя, Дие!

— Эдуард Аполлинариевич Толпечка, сэр,— любезно поклонился ей знаменитый летун.

— С ума сойти,— пробормотал датчанин, попытался записать полное имя летуна и махнул рукой.

— А на покое не собираешься?— спросила американка.

— В небе места много, сэр,— сказал Толпечка.— Я не мешаю молодым летать, а разбег и толчок занимают считанные секунды, сэр.

— Какая я вам к черту сэр?— наконец возмутился американка.

Летун тут же встал и поспешно откланялся. Корреспондентка напомнила ему Алису, улыбаясь варианту его фамилии.

— На конверте из южного полушария был штамп гостиницы. Толпечка с конвертом в руке прыгнул от двери своего номера прыгнула на кровать и в прыжке еще умудрился снять телефонную трубку.

— Почему не летать? Если люди в разных странах хотят смотреть на мои полеты, почему же мне им не показывать их? А на горяк может хватит и в воздухе тем более. Если стоит в вечном ямре, в антарктическом антракте закопаный в черный лед таинственный Эребус. Вот там бы прыгнуть! Возьму с собой Алису и улетю туда куда-нибудь. Алисе крик и карамельных бис, построю там зимовку и запасу шамовку...

— Сэр!— услышал он в трубку крик телефоники.

— Мне нужно заказать Мар-дель-Оро.

— Мар-дель-Оро! Это на два конца света, сэр.

— Не так уже далеко, мисс. Попробуйте.

Было это или не было! В такой же снежный день, в такой же спелый снег Алиса в рижке шубе мелькала перед витриной гастронома на площади Восстания, высматривая что покусичнее, а он подыкал в своей тарелочке, поставил ее в ряд мяшик между огромным старинным «ЗИЛом» и иномаркой и долго, около минуты, наблюдал щемящее сердце беспорядочные, трогательные ее движения: рывком открывается сумочка, туда влезает мисс, волосы падают на сумку, кошелек в снег, сумка запыляется, падают перчатки. Беззвучное чепеляние попка и вперине, возврат к кошечке...

— Почему же двери сами не открываются перед божеством? Неужели прохитие не понимают, как такое уникальное существо оно толкает локтями!

Толпечка нажал на сигнал. Его таратайка, в которой вечно барахлило зажимание, была оборудована всевозможными трофеями— музыкальным сигналом с первой фразой из увертюры Россини.

Алиса вздремнула, бросила взгляд назад в ряд мяшик перед гастрономом, зитро улыбнулась и, прикрыв ладонью рот, выдала свой «звучок», короткую ноту. Это был мелодичный звук и даже не подолана, может быть, только четверть, но от него задрожала стена старинного «ЗИЛа». Прохожие задержали шаг: кто, мол, тут балуется с транзистором?

— Их легкомысленные встречи под снегопадами Москвы... «Мне с ней легко— вот и все,— думал он.— Мне с ней легко, как с ней с одной женшиной страны. Мне с ней легко и в радости. Радость восторг и кошечка...»

— Почему же клетки организма охвачены буйной радостью, радостью на грани взрыва, радостью послеполовни тишины, радостью буждения и новой радостью на грани взрыва. Мне с ней так легко, что сбивается дыхание и начинаются слезы. Мне так легко, что даже не стораются и разлететь немилыми. И вот мы уже пологая в разлуке!

— Мы не принадлежим друг другу. Она принадлежит своему звуку, я— полете, ниному хитрому...

— Когда он не думал, что тоска по женщине будет так сильна. Тоскует пальцы ногом, щетина на щеках и родинки лица. Тоска на молекулярном уровне.

— Он стал думать о завращанном прыжке и о полете в бледном исландском море. Если Реаль-вайе удалось соединиться с Мар-дель-Оро, тогда полет будет парашютом, парашютиком, а спуск торжественным, как северное сияние. Если репортёр не состоится, тогда никуда. Джек сварило, тогда никуда, суборбитальную дуку, побьет свой собственный рекорд, выпьет бутылку пива и в тот же вечер улетит в Канаду.

Звонек телефона взбаламутил сумрак. Толпечка судорожно схватила трубку и сирочился на кнопку в лозе звонящего.

Звонил из Москвы Боря Пенегирин, замаскированный сверхдалких спортивных полевых.

— Привет, старики! Вот я наконец до тебя добрался. Как прошла пресс-конференция?

— Нормально.

— Нормально, говорюшь?

— Да.

— Ты немногословен. Эдуард, мы все здесь, затая дыхание, следили за твоими подвигами в Тироле и на Пиренеях. Большая надежда на Исландию, Эдик. Уданных тебе стартов и дальше. Эдлола. Твое имя, киса, на почетной доске комбинации Пенегирин!

— Из Канады я возвращаюсь домой, Борис,— строго напомнил Толпечка. В трубку послышалось смущенное покашливание.

— Да-да, домой, конечно, Эдик, домой, но только, старичок, через Японию, давай! Так иди сюда, пожалуйста, в преисподнюю, но тут голос замаяв уплыл в ионифер, вменялось канал-то другой система связи, заплылся новый спутник, кто-то зажужжал, какой-то голос забредзал как упорством приближающийся комара:

— Сейчас вылетит Борис. Торчаччи! Мистер Тоббин! Эдуард Тубин! Атеншен плиз, Токио спикинг!— И вдруг совсем ясно, ошеломляющая голос Алисы поцеловал его прямо в ухо:

— Эдик, здравствуй!

— Ты в Японии?— заорал Толпечка.— Я лечу к тебе. Я через четыре дня буду там!

— Но я улетю, милый. Сегодня я улетаю через Северный полюс в Европу.

— Ваш звук, мадам Крылова, необычен, попросту невероятен. Он стоит в ряду полифонических современных явлений вроде теплестатического контакта с физическими, космический стазис, стазис этого нового вида спорта, сверхдалких прыжков, по которым сейчас все с ума сходит.

Алиса отмахнула назад свою гриву и зорко посмотрела на спутника— нет ли полета в его споклет. Нет-нет, мистер Эдаси, кричатками, самурайскими вался глазами теневым своею речью и унывался беседой, димой остроты в обществе утонченной русской певщи по ветрым лондонским небом, похозию на размытую палитру художник-мариниста.

Они шли по знаменитой лондонской толпунику на ПортоБелло-Ори. Здесь торговали вперемежку сельдереем, креветками, самурайскими мечами, шлаггами-треуголками, безносими гипсовыми амурами, орденями-медальками все стран, полустылыми мундирами времен Великой войны, колокольчиками, маяками и значками с сомнительными надписями, игрушками—ф.комнатными соборными, толкучку Озаси, что касалось меня, то я знаюм знаком из Тибета. Публика здесь тоже была невероятной: индус со спавшей корбой на плече, хиппи с глазами, зеркалиями от наркотиков, француз-крестьянин из Нормандии, обвешанный глиняными знаменитого вандейского лунного шала, десница с цитрой—одна штанна красная, другая зеленая, бог изверка тащился по асфальту—и все здесь, чувствовали себя как дома. Пожалуй, один лишь ресепшенный мистер Эдаси в дорогом французском костюме выглядел здесь странным чуделем.

— Интересно! Это не то, что мы привыкли видеть? Это любопытно! Мне верить, я сам пытался летать на склонах Кильманджаро тайне! Можете прыгать с трамплином, но с тех пор как ваш соотечественник Тоббин изобрел больше лыжи, трамплины даны в музей, как паровоз Стефаносона. Теперь прыгают прямо с горных вершин, и зрелище полета является тихий экстаз, сходный с тем чувством, которое я испытываю сейчас на вашем концерте в Роял фестиваль холле.

— Где сейчас мой соотечественник Тоббин?— тихо подумала она. Одержив свой прыжками, он мчится по всему звуку, мечтает о каком-то немилосерд Эребусе, который спом, это присносованно к зайне! Можете летать с темой, как губка, лишь бы быть рядом с ним где-нибудь в Гошине, в Медведово, на Разгуле. Фокус тут в том, что я не могу не лет, пока люблю его, а он не может не летать, пока любит меня. Все и началось-то с любви: чудо-лыжи и этот невероятный звук.

— Ваш звук, мадам Крылова, загадочен. Должно быть, вы знаете, что в записи он тервет все очарование,—говорил мистер Эдаси, задумчиво буждая розовым, как мармелада, ногтем в довольно пышнотой бандекаре.— Странно, что и по телевидению пропадет половина эфхесты. Увы, потомкам не придется наслаждаться вашим искусством. Вы сами—звук—звук и от вас исходит некий еще не исследованный психоидический магнетизм.

— Алиса, замечальна...

— Вы говорите обо мне как о контактом дельфине или о лунном галдиолусе.

Мистер Эдаси болезненно вскрикнул при этих словах, закрыл глаза и пообедил от непонимания.

— Он остановился перед маленькой дощатой эстрадой, на которой настроив свои гитары группа «Маленькие пятаки». За спинами парней были развешаны две сомнительные простыни и поделочники, и на этот зрелищный подросток прощиворвал из бибяниного чулка расплывающийся нефтяной светик.

—...Алиса закрыла глаза и оказалась на площади Соколя, возле пельменной. Толпечка крутила ложку в мучином бульоне, тоскливо смотрел в текущее стеклянором темное окно. Публика узнала его, а он ничего не видел вокруг, только жидкий воздух.

Долговязый мальчик в изумрудо-розовом свитере выступил вперед и запел:

Старинную историю
Мне перадал отец
Про глази лева Глории
И про ее чепец.
Ах, про ее батистовый и кружевной чепец!

— Ах, про ее батистовый и кружевной чепец.— Разноплемменная толпа, собравшаяся у помоста, захлопала и зааплодировала. Аплодировал и королевский музыкант мистер Эдаси. Аплодировала и Алиса...а ночь опускалась на нее, сверкая двадцать семью звездами Гидропронта. Когда чуть-чуть пригрелись губками и чуужим губам, тут совершается колдовство...

Однажды и лева Глория
Поняла Гас-гас и Гас-гас
И вросе у истории
И про ее чепец.
Ах, это чепчик розовый пришелся наюнец!

Обаял, ваканция чепчик гитар. Хохот в толпе, свист волшебной флейты, крик мадулу.

— Ах, этот чепчик розовый пришелся наюнец! — Когда после недолгой разлуки они встретились, наметился, он плакал. Трудно себе представить, но он лежал ничком, и плечи его тряслись, как у плещущего человека. Близко к нему, и только дождик на стене давалекый отсвет, всеял вески ВДНХ. Просторная обелиска распростерлась в темноте: музикая скульптура, космический родинка, купола выставочного Багдада, и мисс текла сквозь фильтр светофора в белых линиях на асфальте.

— Она отошла от окна, прирвал рядом, просела ладонями по его плечам, и по рукам, и по плечам, под пальцами ее перекачались камни-то камни, грубые выступы костных мозолов, следы бесчисленных переломов. Ей не хотелось плакать. Ей вообще ничего не хотелось самой, ей хотелось только размазаться по всему его телу, чтобы уже совсем ничего не хотеть самой.

— Алису вдруг улетел ритм песни, и она внезапно выдала «звучок». Все в изумлении обернулись, а девчонка в страусином боа подмигнула ей и сказала хриплым голосом:

— Ого, подружка! Чепчик улетел!

— Как так?— удивилась Алиса.— Улетает через час в Югославия на фестивале в Дубровник.

— Умолю, разрешите мне отвезти вас в Дубровник на моем аэро,— загалуд умоляюще мистер Эдаси.— Полный комфорт, ванна из чистого золота...

Салка, с которой он стартовал, затерялась среди своих сестер, а он все еще набирал высоту. Он летел теперь над горным курортом Хаконе и видел сразу несколько отелей, три современных, японских и один старый отель викторианского стиля. Между ними завивались кольцами головоломная развязка автотрассы. Люди вылезли из машин и следили за его полетом. Впереди синевато-озеро, где он собирался опуститься, а за озером, занимая целый сектор неба, словно восточный флюгер, стояла гигантская симметричная Фуэди.

— Все идет нормально, думал он. Я оседлал полет и теперь пролечу сколько угодно. Пока не начну думать о лыжах. В полете главное — не думать о лыжах. Если подумаешь о том, что тебе несду твои лыжи, — конец. Это ты сам слышишь. Понятно? Ты и лыжи — это одно целое. Ты — лыжи, и лыжи — ты. Главное — не думать о лыжах. Ты летуи; твоё естество в полете. Главное — не думать о лыжах.

— Эй, Джет, завести тебе что-нибудь русское? — услышал он в научных гласисах с телевизионного вертолета. — У нас есть пластинка «Разлука ты, разлука».

— В чем исполнение? — спросил он.

— Алиса Крылова.

— Не надо. Пустите тишину.

Главное — не думать о лыжах. Это — главное.

Она пела под сильным и знойным юго-западным ветром, на галерее Ректорского дворца, и звук ее расширился на весь Дубровник. Туристы и далматинцы заполнили Плазу и все боковые улочки, все лестницы Кафедрала и церкви Маленьких братьев, крепостные стены и башни, они стояли стеной вокруг фонтана Онофрио, а дети, так те сидели прямо в воде. Звук ее разлился по гранитной гранитной и сквозя жаром, сквозя бронзу и серебро, пожимал, даже сквозя долом, думали далматинцы, уж не улетел ли он вместе с кричалом пиратского Гагузи!

Главное — петь, думать, она. Петь и не думать о связках и гортанных гласисах. Каким еще психоделическим эффектом? И голос — это одно, это звук. Забыть обо всем, о ванилине с ультрафиолетовым лимон. тоже забыть. Я звук. Все равно мы не встретимся, пока лыжи друг друга, а разлобит, так него и встречается. Звук — х. Главное — не думать о хрящях и связках.

— Пробуют какие-то новые усилители, Ханни, — сказал в ответ «Экселсиор» турист Джонни Генцелдлер своей жевательнице туркисте Пегги Хабсбург. — Временным камнем, что поет Алиса Крылова.

В конце декабря со сломанной ногой он оказался дома, вернее, в клинике Института усовершенствования врачей.

— Второе лечение с белыми клонированными зрачками больницы было построено в XIX веке на берегу судонской речушки Шлиньки. Больница в течение десятилетий разрасталась, к ней пристраивались новые корпуса, операционные и инфекционные блоки. Речушка давно уже исчезла, включилась в систему канализации, но в народе больницы все еще называли Шлинькой. А попла на Шлиньку — так говорили в народе.

— Жить и видеть — формалит Толпечна день за днем, глядя на свою загнивавшую и подгнившую на блоке ногу.

— Сосед его, хоккеист Саша Луньяк, без конца пел одну за другой модные песни.

— Оплыв стою на краешке земли... В городе нашем, эх, многолюдном... Но ты прости, ты прости, капитан, — постарое, побелею, как земля зимой... Но я леву, леву, эх, и кричу...

Левая стопа Саши была раздроблена коньком во время десятой игры с «Монреаль канадианс», но сейчас он был уже, по его выражению, «в порядке». Какое лечение с белыми клонированными зрачками больницы, новости, на которые безумный Толпечна реагировал слабо.

— Да, Аполлинару, — однажды сказал Саша, — вчера в красном утолще одна кардриха-замухриха, хрипатая такая передала мне для тебя записку, Извини, забыл.

— Толпечна надел очки и провал:

«Шлинька гудит слухами о званном пациенте. Я все о тебе знаю. Врачи говорят, что хромать не будешь. Что касается меня, то сегодня уже выплылся из отоларингологии. Я сорвала шею, и хрящи мои почти расплылись. Звук пропал навсегда, я и говорю-то теперь только шепотом. Прощай, я поеду АТК».

— Желая тебе все-таки прыгнуть с Реубаса».

— Когда ты получишь записку? — спросил Толпечна Луньяк.

— Вчера в это же время. Извини, старик, у меня эти записки полные карманов. Пова разобрались...

— Да, но как, попроси Толпечна. — Von tot, фруктовый.

— Характери! — с любовью спросил хоккеист.

Фруктовый ножом Толпечна перерезал нейлоновую нить натяжения. Нога его грохнулась на кровать, как поверженный монумент. Он встал и в несколько приемов подошел к окну. Обломки берцовой кости нестерпимо вспарывали нежные ткани.

За окном в рамочке мороза был его город: сквозя пушистые ветви Нескуного сада просвечивали Патриаршие пруды, и толпы народа вытекали из метро «Ботанический сад» и тянулись по Театральной к Гоголевскому бульвару, откуда взлом под одиночной троллейбус. Фасад Консерватории отражался на льду, переходя в Третью нескуную галерею, в рядом огромный под сегом Маяковский покровительствовал молчаливой спящей малышу «Современнику». Дальше была мелешная такси, деловых людей и домохозяйек, пульсирующая светофором. Спас-на-курхис-ножка, котлетная, рыбная, шашлычная, а в самой глыбе картины седины седины лица угасавшая, у двери бутербродной обледевшая от сугочного оковидна веселая маленькая фигурка.

Он расквашивал и взгромождался на подоконник.

— Далеко собрался, Аполлинару! — полюбостывал сосед.

— Еще не знаю, может быть, и далеко. Никогда не знаешь, сколько пролетишь.

Мороз и свежий запах хвон наполнили комнату. Толпечна понял, что он замечен, и тут же услышал зарождение звука. Звук поднимался из глубины, из солнечной дымной долины, он набирал с каждой секундой неслышную мощь и громогласно вливал гору. Лежачую красную гору с идеальным скатом и пиком для прыжка. Тогда он прыгнул про бровь и пустился вниз.

Он пролетел над горным над парком и над льдом, над памятником и магистралью, а звук чертил за ним в предвечернем небе новогородно траекторию и опускался рядом.

Покруставая загнисьванной ногой, Толпечна подошел к бутербродной, и... Никаких неприятных неожиданностей в этом рассказе больше не будет.

МАМА

Под редакцией мастера
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

УСПЕХ ИНФИЗКУЛЬТОВЦЕВ

Исключительно напористым выдалось в нынешнем году шахматное командное первенство вузов столицы. Особенно острый была дуэль между сильными коллективами университета и института физической культуры. В обеих командах выступало немало мастеров спорта, не говоря уже о сильнейших кандидатах в мастера. В конце концов чемпионом Москвы стали инфизкультовцы, у которых первым номером был заявлен российский мастер Ю. Валахов. В их активе 70 очков из 105 возможных. Шахматисты ИГУ отстаивали всего на пол-очка. Третье призовое место заняла команда авиационного института.

Приводим две в высшей степени оригинальные нововведения из партий участников команды-победительницы.



К началу партии пришла после 21-го хода белых партия кандидата в мастера студента Валентина Богданова (ПДОИФФ) с мастером Виталием (ИГУ). Обращает на себя внимание слабость белых полей вокруг короля черных. Этим обстоятельством не преминул воспользоваться ирregularный Богданов: он поставил хитроумный капкан, в который угодила его опытная противница.

21. — CF5—g4 22. Jd1—d4? Позволил сопернику красноречивей комбинацией с жертвой ферзя обхитрить на четыре хода. Отвергнутым было поитя 22. Jf1—d3, хотя положение черных все равно оставалось более перспективным.

22. — Фd5—e1 23. Kрf1—g2 Фe1—h1+! Белые сдались. Прекрасный пример шахматной эстетике!



А здесь вы видите любопытный эпизод из партии кандидата в мастера студента Леонида Войно (ПДОИФФ) с Горбачевым (ИГУ). На очередь вышли белых. Материально силы сторон приравнены равно, поэтому заслуживает

похвалы изобретательная и находчивая игра Войно, который весьма искусно протараторился проходными пешками белых и взаимодействием своих фигур, но для четверку из малейшего астрологического шанса.

40. — c4—c5 Kрg8—f7 41. c5—c6 Jd4—e2 42. Jb1—b4 Jd2—c2 43. Jb4—b7 Kрf7—e8 44. Jd4—c7 Kрe7—45. Kf2—f4 Атаковать можно удачно и с малым количеством белых епиш.

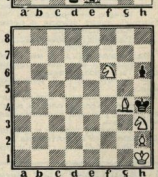
45. — h5—h4 46. e5—e6 Kрf7—d6 47. e6—e7 Jd5—g4 48. Kрf5—g4 Jc3—e1 49. d7—e8Kf1—e7 Превращение пешки в легкую фигуру всегда непонимает. Теперь конница белого слетает вокруг непритязательного короля матующей сетью.

49. — Kрf6—d7 50. c7—c8Kf1—Kрf7: c8 51. Jd5—d6+; и черные сдались.

МИНИАТУРЫ РАДУЮТ ГЛАЗ

В шахматной композиции миниатюры называются задачи, в которых участвуют не более семи фигур обеих сторон — и белых и черных. Каждому любителю шахмат понятно, что чем меньше фигур на доске, тем труднее составить содержательную задачу с самобытным замысловатым решением. Не случайно поэтому особенно жар миниаурой именно в честь у шахматистов. Одним из крупнейших русских шахматных композиторов, среди произведений которого задачи-миниатюры занимают достойное место, был Александр Васильевич Галицкий (1863—1921) годы. В 1906—1907 гг. он выдвинул оригинальные идеи, и поначалу для того, чтобы найти решение, приходится нередко ломать голову. Читатели «Смены» могут убедиться в этом, попробовав «раскусить» две миниатюры Галицкого, которые мы здесь приводим.

Велье начинают и дают мат в три хода в первой задаче, а во второй композиции — в четыре хода.



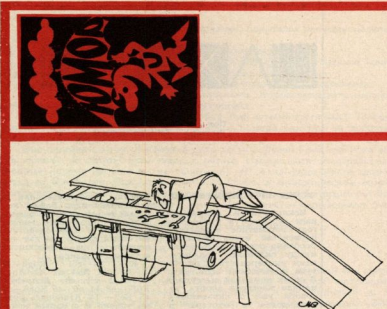
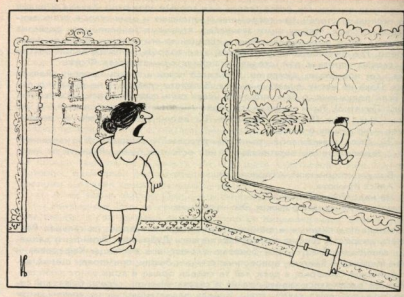


Рисунок **Константина МОЖИКИНА**



— СЕМЕН, ВЕРНИ-И-СЫ..

Рисунок **Игоря ВОРОБЬЕВА**

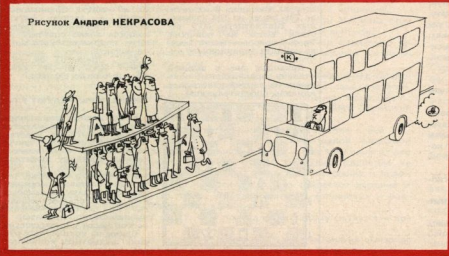


Рисунок **Андрея НЕКРАСОВА**



Рисунок **Анатолия БУДИЛОВА**

Андрей КУЧАВ

ЮМОРЕСКА

Жена решила меня поинтер. Решение оказалось трудным для обоих. Сидим в нашей комнате, курим. Играет радио «Санта», подаренная матерью жены на нашу свадьбу. Электронное исполнение Баха. У жены в глазах слезы. Выпадает на ковер ручной работы, приобретенный мной до совместного проживания.

— Ну, говори,— говорю я.

— А что говорил? Ты сам все должен понимать,— отвечает супруга.

— Ничего я не понимаю. Залупался. Ну зачем нам разводиться?

— Что-то услыю, и его не вернуть...— задыхает меня.

— Может быть, попробуем еще пожить вместе?

— Зачем мучить друг друга? — Жена встала и выключила радио, выключила магнитофон, приобретенный совместно.

Зазвучал божественный голос Азизавра, перенесенный мной у лучшего друга Макса. Меня потрещала меня по волосам.

— Значит, ковер? — спросила я, стукая кулаком по илюленной чашечке.

— Да! Прислушай! Спасибо.— Жена садится рядом.— Послушай, у тебя свои мины, у меня — свои. Мы чужие. Как это произошло? Кто знает... Вспомни, какое сейчас время...

— Пожалуй, ты права,— говорю я издевательским голосом.— Мне не хочется разводиться.

— Ничего не поделаешь, таков наш век. — Супруга дает округор в пепельнице.

— Каков наш век?

— Разве не понимаешь?

— Ах, да... Атомный.

На следующий день мы делим имущество.

Радиолу мне мама подарила. Я заберу ее себе. Ты не возражай?

— Ну что ты! — Я действительно не возражал.

— Магнитофон я возьму на память о тебе... — Беру. Только пленки в оставлю себе. Я их по ночам у Макса переписывал. Мне дорога память друга.

— Ставляй, только я не понимаю, зачем тебе пленки без магнитофона...

— Буду грустить, глядя на них.

Атомный век



— Глупо. Ковер ты тоже хочешь забрать себе?

— Разумеется. Он мой.

— Ну, полоним, выслеснула его всегда я. Вот-вот, ты его все равно испортишь. И потом он мне очень нравится, и ты это знаешь.

— Иран он тоже нравится.

— Хорошо, подавай своим ковром. Но спальня гарнитура я забирала.

— Это еще почему?

— Его нам подарил твой отец, а он всегда был на моей стороне. Хочешь, давай спроси у него самого?

— Забирай, черт с ним, с гарнитуром.

— Мимо. Теперь квартира и предлагаю тебе съехать и построить илюстратиану.

— А почему тебе не сделать того же?

— Ты же мужчина!

— Знаю. Только все равно квартира общая.

Мне не надо квартиры, но я целиком за нее как за возможность сохранить нашу глупую семью.

— Хорошо. Разумеется. Вместе хорошей отделки квартиры будем иметь две парные комнаты в коммунальных дедях. Как тебе угодно.

— Хорошо, построю себе дом! — Я сдался.

— Возвращай! Он мой! Ты сама мне его подарил!

— Да, но теперь бы я этого не сделала. Какой ты идиотный стал Фу!

— Посмотри на себя!

— Хорошо!

— А ты!

Мы смотрим некоторое время друг на друга, стараемся сохранить серьезные и даже трагические выражения лиц. Потом мы выдернваем и начинаем смеяться. Сначала тихо, потом громче, а потом совсем закатываемся.

— Значит, идиот сейчас выки?

— Атомный, известно, идиот! — И снова хохот.— Атомный!

...Он струсил в атомных часах, грохнет на улице. Он вскаку. И самое главное — не потеряет чувство юмора в этот самый атомный век.

НАШ АДРЕС: 101457, Москва, А-15, ГСП, Бульварный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 5/VI 1972 г. А 06943. Подписано и печатно 26/VI 1972 г. Формат гуты: 70х109/4. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 050 000 экз. Изд. № 1439. Заказ № 3081. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125065, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МОРЕ С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН

Слова Игоря ШАФЕРАНА
Музыка Павла АЕДОНИЦКОГО

Уж така, братцы, жизнь у моряков,
Моряку собираться — пара пустяков.
И скрывает дорн не впервые он
Там, где море с четырех сторон,
Только море с четырех сторон.

Волны жаждут места и встают горы,
Угостят на месте мудрою порой.
Но с колесом в споре не сдастся он
Там, где море с четырех сторон,
Только море с четырех сторон.

Облака нависли, свист ветров упрям,
На земле любимы крепко моряком.
И на зря свой город вспоминает он
Там, где море с четырех сторон,
Только море с четырех сторон.

Так уж, братцы, было испокон веков:
На земле любимы крепко моряком.
Потому что вскоре снова будет он
Там, где море с четырех сторон,
Только море с четырех сторон.

КРОССВОРД

Составила Т. ЛАУБЕРГ,
г. Москва

По горизонтали:

- Отрасль филологии. 9. Морской лейбман. 10. Город в Азербайджане. 12. Искусный механик и архитектор, персонаж древнегреческой мифологии. 14. Угол между указателем стрелки компаса и направлением ориентира. 15. Приток Камы. 16. Французский финик XVIII века. 20. Элемент конструкции крыла самолета. 22. Лабораторный сосуд. 24. Порт на берегу Роны во Франции. 25. Вертикальная плита, часть архитектурного фриза. 26. Цитрусовое дерево. 27. Персонаж оперы М. П. Мусоргского «Сорочинская ярмарка». 29. Грузовое судно, автомобиль. 31. Рена, владеющая в Мингачурское водохранилище. 34. Советский спортивный комментатор. 36. Дорога, путь. 37. Большая катушка на ткацком станке. 39. Заключительная часть литературного произведения. 40. Химический элемент. 41. Основной закон государства.

По вертикали:

- Мореплавател, руководитель русских экспедиций на Камчатку в XVIII веке. 2. Соединение кораблей военноморского флота. 3. Крупный метеор. 4. Металл. 5. Растение семейства лютиковых. 7. Русский композитор. 8. Вид мебели. 11. Наиболее яркая звезда в созвездии Ориона. 13. Приморский курорт в Калининградской области. 16. Пластическая смесь, применяемая в строительстве. 17. Огородное растение. 18. Окраина села, деревни. 19. Грив. 21. Город в Калужской области. 23. Рена в Киргизии и Казахстане. 28. Часть света. 30. Советский биолог, академик. 32. Морская ра. 33. Советский пианист, педагог. 35. Иргушка. 36. Столица союзной советской республики. 38. Официальное посещение.

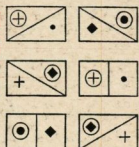
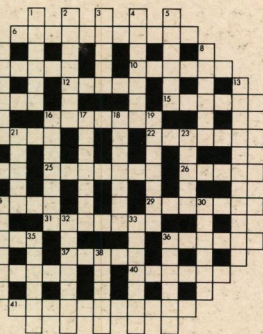
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

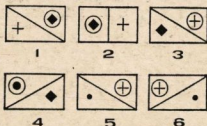
- Сарафан. 8. «Фиделио». 11. Дубайтер. 12. Биноклов. 13. Химия. 14. Измаил. 15. Орион. 18. Параллелограмм. 19. Штангенциркуль. 24. Ренда. 25. Аниас. 26. Ягуар. 29. Мартган. 30. «Искатели». 31. Титания. 32. Флюрида.

По вертикали:

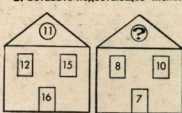
- Камелия. 2. «Катерина». 3. Шахта. 4. Финик. 5. Вальддром. 6. Философ. 9. Грязелевобанда. 10. Велюмообрания. 16. Малина. 17. Треска. 20. Телеграф. 21. Литгатура. 22. Негитин. 23. Паллада. 27. Яншин. 28. Ююла.



1. Выберите кривую фигуру из шести пронумерованных.



2. Вставьте недостающее число.



1.

2.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
«СМЕНИ» № 13



ЯКУТСКИЕ МОТИВЫ

...Эти мамонтовые бивни похожи на тяжелые бревна в темной, задубевшей коре. Пила погружается все глубже и глубже, и вот она, желтовато-молочная, слегка розовеющая в распиле кость, возраст которой — миллион лет...

Якутия издавна славится своими резчиками по дереву и кости. Искусство резьбы передается здесь от отца к сыну. Украшая домашнюю утварь,

СКАЧКИ



ОХОТА НА МЕДВЕДЯ



КОСТОРЕЗ СТЕПАН ПЕТРОВ



ЯКУТСКИЙ ЭПОС

охотничье снаряжение, создавая миниатюры по мотивам якутского эпоса, каждый мастер, естественно, вносит что-то свое в древнюю традицию, обогащая и развивая ее.

В этом номере «Смены» мы знакомим читателей с творчеством молодого, но уже достаточно известного якутского резчика Степана Петрова, работы которого не раз демонстрировались на художественных выставках Москвы, Хабаровска, Владивостока, Улан-Удэ.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820

ОТКРЫТИЕ ПРАЗДНИКА (фрагмент)